

Ирин КаХр

Тётка с
багажом
(или билет в
молодость)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирин КаХр

**Тётка с багажом, или
билет в молодость!**

«Автор»

2026

КаХр И.

Тётка с багажом, или билет в молодость! / И. КаХр — «Автор»,
2026

Внимание! В тексте присутствуют нецензурные выражения! Немного. В пятьдесят два жизнь только начинается. Особенно когда тебя насмерть сбивает поезд, а приходишь в себя в теле молодой блогерши-красотки в другом мире. Теперь Тоня — Кира, наследница промышленной империи, невеста с тремя женихами и главная мишень для местных родственничков, которые уже однажды пытались её отравить. Либо она докажет Наблюдательному совету, что способна управлять делом, либо готовится к свадьбе. Третьего не дано. А ещё есть подозрительный князь, гениальный профессор и начальник станции, от взгляда которого сердце ёкает даже в пятьдесят два. Тоня из девяностых — она выведет на чистую воду любых махинаторов. Даже в чужом теле и с тремя женихами.

© КаХр И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. В чужом купе	8
ГЛАВА 2. Вокзал	14
ГЛАВА 3. Особняк	19
ГЛАВА 4. Вечер с князем	26
ГЛАВА 5. Пауки выползли	30
ГЛАВА 6. Первое заседание	34
ГЛАВА 7. Бумаги и неожиданный гость	39
ГЛАВА 8. Профессор и тёмные дела	45
ГЛАВА 9. Завод	51
ГЛАВА 10. Ужин с пауком	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирин КаХр

Тётка с багажом, или билет в молодость!

ПРОЛОГ

Тоня терпеть не могла, когда всё шло не по плану. А последние сутки только и делали, что шли именно так. Или даже хуже.

С утра, без звонка, сестра с племянником явились. Полтора часа пили её кофе и вешали лапшу про «общее семейное дело» и «ты же нам не чужая». Но переводить с бытового на человеческий Тоня умела давно: «отдай нам свою квартиру, старая дура, мы её продадим, а тебе спасибо скажем». Поэтому и послала их культурно, но со вкусом. Не оценили. Сестра ушла с каменным лицом, а племянник на прощание хлопнул дверью так, что штукатурка посыпалась.

— И за что мне такое счастье? — спросила Тоня у пустой кухни. Кофе допила уже холодным, потому что выливать жалко, а кипятить новый — лень. Кружку отодвинула, упёрлась локтями в стол и уставилась в окно. — Всю жизнь на них горбатилась, квартиру эту, считай, из-под земли достала, а теперь — «отдай». И не стыдно им? Хотя чему я удивляюсь, стыд — это вообще не про нашу родню.

В голове вдруг некстати всплыло: дожила до пятидесяти двух, из родных душ — только кошка Муська и подруга Маринка, которая вечно в своих фэнтезийных мирах обитает. Вот уж у кого жизнь удалась: драконы там, эльфы, всё по-честному — зло наказуемо, добро вознаграждено. А у неё что? Родственники врагов страшнее.

От обиды и злости на саму себя Тоня психанула окончательно. Собралась на съезд историков, тему же интересную обещали — «Промышленное наследие губернии в архивах XIX века». Её тема. Люди свои. А значит, надо ехать. Прямо сейчас. К чёрту этих квартирных вымогателей.

Кошку ловила по всей квартире минут двадцать. Муська, чуя неладное, забилась под ванну и выдавать себя отказывалась категорически. Пришлось лезть с фонариком, ругаясь так, что, если бы соседи услышали, наверняка вызвали бы санитаров.

— Сиди, не дёргайся! — рыкнула Тоня, когда кошка, уже засунутая в переноску, попыталась выпростать лапу обратно. — Сама виновата, что я тебя тащу. Кто прошлый раз мне все обои в коридоре подрал? А провод от торшера перегрыз? То-то же. Вот и езжай со мной, раз одна оставаться не умеешь.

В суматохе она, конечно же, забыла зарядить телефон. И заправить машину тоже забыла. Но ничего страшного: бензина ещё на полста километров, а до города меньше тридцати. Доедет как-нибудь.

Не доехала.

Навигатор в телефоне сдох через десять минут после выезда. Тоня глянула на экран, чertyхнулась и отбросила трубку на пассажирское сиденье.

— Ну и чёрт с ним, — сказала она вслух. — Примерное направление я знаю. Туда, потом налево, потом прямо, а там и указатель должен быть. Я иду медленно, но зато я никогда не двигаюсь назад, как тот президент...

Ключевое слово тут — «примерно».

Дальше было как в том анекдоте: «Поверните налево, если сможете». Асфальт кончился. Началась грунтовка, потом гравийка, потом просто колея. Развилки без указателей появлялись с завидной регулярностью, и каждая следующая выглядела менее гостеприимно, чем предыдущая.

— Твою ж дивизию, — ругалась Тоня, то сбрасывая газ, то вжимая педаль в пол на особо топких участках. — Ну кто так ездит, а? Овца старая. Телефон сел, бензин на нуле, кругом лес. И что будешь делать, идиотка?!

Муська в переноске на заднем сиденье возмущённо мявкнула.

— Молчи, — огрызнулась Тоня, покосившись в зеркало. — Сама виновата, что с собой потащила. Считай это тебе за все пакости, которые ты дома творила. Что? Мяу, то не ты была? Да кто бы сомневался.

Она уже почти смирилась с мыслью, что придётся ночевать в лесу, когда колея неожиданно вывела к железнодорожному переезду. Старый, давно не крашенный знак «Берегись поезда» стоял криво, покосившись набок. Ни шлагбаума, ни светофора, ни даже намёка на цивилизацию. Глушь непролазная.

Тоня остановилась, выглянула в окно. Слева и справа — лес, чёрный, густой. Тишина стоит такая, что уши закладывает. Ни поезда, ни души.

— Ну хоть здесь повезло, — буркнула она и аккуратно тронулась вперёд, на рельсы.

Машина проехала метра два, чихнула и заглохла. Прямо посередине.

— Да ёбаный в рот!

Тоня дёрнула ключ зажигания. Раз, два. Стартер заскрежетал, мотор пару раз кашлянул и умер. Ещё попытка — то же самое.

— Ну давай же, сука, заводись! — Она вдавила педаль газа, провернула ключ до упора. Мотор чихнул в последний раз и затих окончательно. Навсегда, как показалось.

В тишине было слышно, как где-то вдалеке каркнула ворона. Или не ворона — Тоня уже ничего не соображала от злости.

Выскочила из машины, хлопнув дверью так, что Муська в переноске испуганно взвизгнула. Оббежала капот, открыла и уставилась на двигатель как баран на новые ворота. Воздушный фильтр она поменять могла. Масло долить — пожалуйста. Даже свечи, если очень нужно, перекрутит. А тут — просто железка, которая не работает. С таким обычно помогают мужики, которых она раньше ловила на трассе, голосуя. А тут кого поймашь? Медведя?

— Ну и что ты на меня смотришь? — спросила она у двигателя, на всякий случай подёргав все шланги, что попались под руку. — Я тебя рожала, что ли? Молчишь? И правильно, тебе же легче.

Плюнув на бесполезное железо, захлопнула капот. Вовремя вспомнила, что стоит на рельсах. На переезде. Пусть заброшенном, но мало ли. Решила сначала убрать машину с путей, а потом уже решать, что делать дальше.

Обошла, упёрлась руками в багажник, ногами втопталась в гравий. Толкать — так толкать.

— Сестру бы сюда, с её сыночком, — пропыхтела Тоня, наваливаясь всем телом. — Вместе бы толкали. Идеальная семейная терапия. Сто пудов бы сдвинули, козлы.

Машина даже не шелохнулась. Ни на сантиметр. Словно приросла к рельсам.

Тоня выпрямилась, вытирая пот со лба. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбилось, а во рту пересохло так, что язык к нёбу прилип.

— Твою ж дивизию, — выдохнула она, оглядываясь. — И почему я не баба с конём? И поехать, и вытащить...

Она не договорила.

Вдалеке раздался гудок. Низкий, протяжный, какой-то бесконечно долгий.

Тоня замерла.

— Бля, — выдохнула одними губами.

Гудок повторился, гораздо ближе.

— Бля-а-а...

Она снова навалилась на багажник, теперь уже не думая о силе, о технике, вообще ни о чём, кроме одного — сдвинуть эту проклятую железяку с места. Ноги скользили по гравию, руки немели, но машина стояла как вкопанная.

В салоне заголосила Муська.

Тоня рванула к задней двери, распахнула. Кошка в переноске металась, билась о стенки, орала дурным голосом. От её метаний переноска завалилась набок и зацепилась ручкой за ремень безопасности.

— Сиди, дура, сейчас! — Тоня сунулась внутрь, схватила переноску, дёрнула. Та не поддалась.

— Да твою ж мать!

Она рванула сильнее, уже не чувствуя рук, не видя ничего, кроме этой проклятой пластиковой клетки. Ремень натянулся — и вдруг, чудо, дверца переноски щёлкнула, отскочила. И Муська, словно только этого и ждала, серой молнией вылетела наружу и пропала в кустах.

— Муська! — заорала Тоня ей вслед, но в ответ услышала лишь ещё один гудок. Совсем близко. Оглушающе.

Она подняла голову.

Морда тепловоза заполняла собой всё — небо, лес, рельсы, саму жизнь. Железная стена, летящая на неё со скоростью, которую даже не осмыслить. Визг колодок, скрежет металла, воздух, ставший плотным, как вода.

Тоня не успела ни зажмуриться, ни даже вздохнуть.

И в ту долю секунды, когда мир сжался до одной чёрно-красной точки, в голове пронеслось почему-то не «сейчас умру», не «Муська», а совсем другое, до смешного обыденное:

«Ну бля я же не Каренина»

ГЛАВА 1. В чужом купе

Воняло перегаром. Сладковатым, винным, с кислой ноткой — Тоня этот запах узнала бы из тысячи, сама такой выдавала в молодости после корпоративов. Только сейчас он бил в нос откуда-то сверху, снизу, со всех сторон, въедался в волосы, в одежду, в горло. Казалось, сама кожа пропахла этим дешёвым пойлом.

Открыла глаза и тут же зажмурилась — солнечный луч, отразившись от чего-то блестящего, полоснул по зрачкам. Голова гудела тупой, тяжёлой болью, будто внутри поселился пьяный кузнец и методично бил молотом по вискам. Во рту стояла сушь такая, что язык прилип к нёбу, и казалось, всю ночь она жевала наждачную бумагу. И горло саднило — словно её действительно тошнило, и не раз.

Попыталась сесть и поняла, что не может вздохнуть. Что-то жёсткое, с металлическими вставками, сдавило рёбра, впилось под грудь, не давая лёгким расправиться. Каждая попытка вдохнуть натывалась на железную хватку.

Корсет. Твою мать, корсет!

— Твою мать! — выдохнула она сишло, и голос прозвучал чужим — молодым, звонким, с хрипотцой.

— Очухались-с, — раздалось справа. Голос ледяной, но с убийственной вежливостью, от которой зубы сводило. — А я уж начал беспокоиться, не прикажете ли врача вызвать.

Тоня повернула голову. Шея затекла, позвонки хрустнули, словно старые половицы. В кресле у окна, за которым что-то мелькало — леса, поля, а вдаль железнодорожная будка, чёрт побери, тот самый поезд что ли?! — сидел мужчина во фраке. Идеальный пробор, холёное лицо с резкими скулами, но под глазами залегли тени, а на скулах желваки ходили, выдавая с трудом сдерживаемое раздражение. На неё не смотрел. Вроде как читал что-то на прямоугольной пластине с экраном, которую держал тонкими аристократическими пальцами. Свет от экрана делал его лицо бледным, почти фарфоровым.

— Где кошка? — спросила Тоня то, что первым пришло в голову. Голос снова прозвучал чужим, но вопрос был важен. Муська вылетела в кусты, это она помнила.

Мужчина медленно поднял на неё взгляд. Глаза злые, уставшие, с красными прожилками. Пластина легла на подлокотник, пальцы замерли.

— Прошу прощения?

— Моя кошка. Муся. Где она?

Он отложил пластину, встал. Тоня только сейчас заметила, как тесно в купе: два дивана напротив, узкий проход, чемоданы под сиденьями. Мужчина прошёлся по свободному пространству — три шага туда, три обратно. Пол под его ногами не скрипел, но каждый шаг отдавался в висках. И остановился, глядя сверху.

— Сударыня. — Голос стал тише, но от этого не менее опасным. — Я тащил ваше бесчувственное тело от самого перрона. Я имел честь наблюдать, как вас рвало в кустах перед посадкой. Я объяснял проводнику, что вы просто переволновались перед встречей с женихами, а не приложились к бутылке. И теперь вы изволите спрашивать меня о какой-то кошке?

Тоня моргнула. Офонареть!

— Меня рвало?

— И не единожды. — Холёный говорил это сквозь зубы, каждое слово отточено, будто он отчитывался перед императором. — Если это способ привлечь моё внимание, осмелюсь заметить — вы его недооценили.

Договорив, резко отвернулся и снова заходил по комнате. Фалды фрака разлетались, ботинки глухо стучали по половицам. Тоня проследила взглядом: три шага туда, три обратно. Три туда, три обратно. Как маятник.

Выдохнула и рывком села, игнорируя хруст корсета. Дышать легче не стало. Наоборот, после резкого движения металлические вставки впились в рёбра с новой силой. Опустила глаза в поисках причины и чуть не поперхнулась, глядя в обширное декольте, в котором имелись такие две стратегические выпуклости, что Маринка увидев - от зависти удавилась бы. Размер четвёртый не меньше. Подруга уже лет семь собирала себе на пластику груди. А Тоня вон сидит и смотрит, как всё это великолепие ещё чуть-чуть — и вывалится наружу, прорвав тонкую преграду кружев и края платья.

В пору хвататься за сердце. Но подняла руку и уставилась на неё с не меньшим потрясением.

Молодая. С маникюром. Пальцы длинные, тонкие, кожа бледная, почти прозрачная, без единой морщинки, без вен, которые она привыкла видеть. На безымянном — кольцо с зелёным камушком, на указательном — ещё одно, с голубым. И вторая рука, кстати, такая же. Едрён батон!

— Это не мои руки, — просипела она. Голосу по-прежнему не хватало воздуха, слова выходили с хрипом.

Но её всё-таки услышали. Мужчина остановился. Посмотрел на неё. Свет из окна падал на его лицо, и Тоня увидела, как дёрнулась щека — скула напряглась, желвак обозначился резче.

— Простите?

— Руки. — Тоня протянула их вперёд, словно предьявляя вещественное доказательство. — Они не мои! У меня другие были. Старые. С венами, с пигментными пятнами. И ногти я не красила, потому что в архиве с документами работать.

Холёный на пару мгновений замер, и вежливость на его лице дала такую трещину, что Тоня явственно увидела: он решает, шутит она или окончательно спятила. Потом снова подошёл ближе. Наклонился. От него пахло дорогим одеколоном — резким, с хвойными нотками, — и злостью. Которая в свою очередь пахла горячим металлом и потом, хотя мужчина и не вспотел.

— Кира, — сказал он тихо, но всё так же вежливо, и в этом шёпоте было что-то угрожающее. — Если вы решили продолжить спектакль, позвольте вас заверить: я не расположен в него играть.

— Какая Кира? — Тоня дёрнулась, пытаюсь подняться, но не рассчитала. Нога в туфле на высоком каблуке подвернулась, и она рухнула обратно, только боком. Сзади что-то выпирало, мешало сесть нормально, но что именно — она не понимала. От дурацкой ситуации, от боли в рёбрах, от чужого тела, которое никак не хотело слушаться, нервы сдали окончательно. — Я Тоня! Антонина! Мне пятьдесят два! Я историк! У меня кошка Муся и сестра-стерва!

Холёный тут же выпрямился, будто его пружиной подбросило. Сложил руки на груди. Подальше от женской истерики. На лице — маска ледяного спокойствия, но под ней, Тоня видела, кипело.

— Весьма убедительно. — Голос сухой, как осенний лист. — Новый образ для Сферума? «Я не я»? Ваши подписчики, несомненно, оценят.

— Да какой Сферум, ёб твою мать! — Тоня вцепилась в край дивана, снова пытаюсь подняться, или хотя бы выпрямиться, чтобы не валиться титьками вперёд перед чужим мужиком. Корсет трещал, каблук скользил по коврику. — Я только что под поезд попала! Рельсы, переезд, кошка! А теперь я здесь, в этом и с сиськами, не моими!

Она окончательно задохнулась. Воздух не шёл, лёгкие отказывались работать, и она уже молча продолжила попытки подняться. Лишь бы не сдохнуть в этом чёртовом корсете! Лишь бы не упасть лицом вниз перед этим князем, чтоб его.

Пока она боролась с не своим телом, мужчина достал из кармана платок. Белый, накрахмаленный, сложенный треугольником. Брезгливо, словно на него попала слюна изо рта Тони,

тщательно вытер руки. Каждый палец отдельно, не торопясь. Потом максимально аккуратно и медленно сложил платок обратно, уголок к уголку. Убрал в карман. И когда заговорил, женщине показалось, что в купе температура разом понизилась на пару, а то и десяток градусов.

— Сударыня. Мне решительно всё равно, что вы там приняли. Но... Через час мы прибываем в Звениград. Там вас ожидают два других жениха, Наблюдательный совет и ваш дядюшка, который только и мечтает, чтобы вы провалились. Если вы явитесь туда в таком виде и с такими речами — вы проиграете всё. А вместе с вами проиграю и я. Поэтому будьте любезны, возьмите себя в руки и следуйте моим указаниям, если уж не в состоянии думать адекватно самостоятельно.

Оскорблённая Тоня бросила на него злой взгляд — и подавилась ответом. Красивый. Чёрт возьми, краси-и-ивый. Тёмные волосы зачёсаны назад, скулы острые, глаза серые, как сталь. Вежливый до оскомины, упорный, явно не шутит. И этот взгляд — сверху вниз, с лёгким презрением и усталостью. Так смотрят на нашкодивших детей, которых надо наказать, но лень.

— А ты кто? — выдохнула она, сдаваясь. Дышать всё ещё было трудно, но хотя бы паника отступила.

Ледяной аристократ чуть склонил голову. Жест получился почтительный, но глаза остались холодными.

— Князь Святослав Северский. Ваш жених. Один из трёх. И, как понимаю, единственный, кто сейчас может спасти вашу шкуру.

Тоня помолчала, потратив ещё несколько минут на то, чтобы подняться. Получилось. Держась рукой за край дивана, на котором она, оказывается, лежала, она максимально спокойно встретила взгляд как его там, князя?

— Мне надо в туалет.

— Что? — Кажется, это был не тот ответ, который ожидал холёный князь Северский.

Тоня закрыла на секунду глаза, переводя дух, и повторила, разделяя слова, будто разговаривала с иностранцем:

— В туалет, говорю. Отлить. Можно?

Князь поджал губы. В глазах мелькнуло что-то — то ли раздражение, то ли облегчение, что разговор перешёл в бытовое русло. И указал за её спину:

— Дверь в конце купе. Прошу.

Купе?! Тоня ещё раз огляделась. Они с князем действительно находились в купе. Только сейчас она узнала интерьер. Видела такие на фото в архивах: деревянные панели, бронзовые канделябры, бархатные обивки, тяжёлые шторы на окнах. Элитно, красиво и несовременно. Блин, да что такое?!

Сосчитав до десяти, Тоня выдохнула и двинулась в указанном направлении. Юбка сзади выпирала чёрт-те-чем, каблуки, которых она не носила десятилетие не меньше, грозили переломом ног, при каждом вдохе грудь подпирала подбородок и мешала дышать. Ковровая дорожка под ногами глушила шаги, но где-то там, за стенами купе, слышался мерный стук колёс — ровный, убаюкивающий. И голоса. Соседи? Проводники? Тоня не стала вслушиваться. Она дошла до двери в конце коридора, вцепилась в бронзовую ручку и заперлась изнутри.

Крохотная комнатка. Столик, канделябры у зеркала на стене, с противоположной стороны — унитаз. Бронзовый. Ну, по крайней мере, выглядел как бронзовый, а по факту

— Главное, чтобы меня выдержал, — буркнула Тоня и, задрав повыше юбку, грохнулась на крышку. Сквозь тонкие ткани металл охлаждал зад, но женщина этого даже не заметила. Застонав, попыталась закрыть лицо руками. И чуть не выколола себе глаза длинными ногтями. Привыкнуть к груди не своего размера сложно, особенно когда она как тесто из одежды выпирает. Пришлось выпрямиться, позволяя корсету выполнять свою функцию, — дышать сразу стало легче.

— Так, — зашептала Тоня себе. — Спокойно. Тоня, твою мать, спокойно! Дыши, пролетаем Сочи!

Подняла голову и посмотрела в зеркало. А оттуда на неё смотрела молодая красивая морда с накрашенными губами и глазами, полными ужаса, и капелькой понимания.

— Маринка! Марина, дура, где там есть ну, спасибо тебе за твои книжки. — Тоня подняла руку и чуть потёрла чужие бледные щёки. — Я влипла. Реально влипла!

Посмотрела вниз на грудь и, наконец, решилась потрогать её. Результат удивил. Упругая, тяжёлая, но никаких намёков на силикон. Натуральная, ёлки-палки.

— Ну и гены, что ли, такие хорошие? — пробормотала она, машинально одёргивая декольте. — Или это всё магия?

Магия. Слово прозвучало дико, но другого объяснения не находилось. Всё вокруг — платье, корсет, турнюр, бронзовый унитаз, даже этот князь с его ледяной вежливостью — выпало из её мира, как деталь из чужого пазла.

Тут же вспомнилась сестра с племянником. Их рожки за столом, пельмени с майонезом, которые она ела позавчера. Своя двушка в центре, тёплый подоконник, на котором любила спать Муська. И морда тепловоза в последний миг. Каренина, блин!

Тоня сглотнула, отгоняя накатившую тошноту. Нужно думать. Князь сказал, что Кира перепила. С перепою люди теряют память, но душами не меняются. А если всё-таки меняются? Если она — Тоня, угодившая под поезд, оказалась здесь, в чужом теле, то что случилось с той, чьё тело теперь на ней? Может, Кира умерла в тот миг, когда её бесчувственную вносили в вагон? И тогда их души просто поменялись местами? Или Кира сейчас там, в её старом теле, лежит под колёсами?

Мысль была дикая, даже для книжек Маринки. Тоня помотала головой, вглядываясь в чужие глаза напротив.

— А может, и нет, — прошептала она и выпрямилась, стараясь не обращать внимания на тяжесть чужой груди и тугие кольца корсета. — Может, просто уснула. А я тут временно. Разберёмся по порядку. По ходу, я в другом мире. В теле временно(или не временно) отсутствующей Киры. У неё три жениха, какой-то там совет, гад дядя. А я из этого ничего не помню.

Она помолчала, переводя дух, и вдруг усмехнулась собственному отражению.

— Но я историк. Я тридцать лет в архивах просидела. Я людей насквозь вижу. И я баба с яйцами, хоть и без яиц. Так что разберусь!

Она решительно встала, одёрнула юбку — ё моё, турнюр, этот ж в какой она век сбрыкала?! — поправила декольте. Грудь всё равно вываливалась, но хоть не так откровенно. Небрежно стёрла единственную слезинку, которую раньше не заметила и, выдохнув как перед прыжком, вышла.

Князь стоял у окна, смотрел на проплывающие леса. Руки за спиной, плечи расправлены, спина прямая. Со стороны — воплощение аристократического спокойствия. Но пальцы, сцепленные в замок, чуть заметно двигались, перебирая невидимые чётки. Услышав скрип двери, обернулся.

— Нарешались-с?

— Нарешалась, — преувеличенно бодро отозвалась Тоня и аккуратно, как матрос в шторм, добралась до дивана. Чтобы сесть, пришлось постараться: сначала опуститься на край, потом, ухватившись за подлокотник, завалиться назад, подоткнув то, что сзади выпирало. Получилось не грациозно, но хотя бы не грохнулась. — Слушай, князь, — начала она, закончив мороку с посадкой. — Я реально ничего не помню. Вообще. Ни про женихов, ни про совет, ни про дядю. Если ты мне поможешь — я буду должна. Если нет — я там такого наворочу, что мало не покажется никому. Включая тебя. Так что давай, рассказывай.

Долгий взгляд князя практически ничего не выражал. Серые глаза смотрели холодно, оценивающе, будто она — экспонат на аукционе. Но потом он кивнул каким-то своим мыслям и

сел напротив. Фрак распахнулся, обнажив белоснежную рубашку и тонкий галстук. Откинулся на спинку, закинул ногу на ногу, сцепил руки на колене.

— Мать у меня медик, — проговорил он неожиданно. Голос стал чуть мягче, почти задумчивый. — Рассказывала: после употребления некачественного спиртного бывает, память отшибает напрочь. Люди просыпаются и не знают, кто они. — Он помолчал, снова оглядывая Тоню, и она заметила, как взгляд задержался на её руках, на кольцах, на бледной коже. — А судя по запаху, вы приняли что-то знатное. Так что, может, и правда не помните.

— Может, — спокойно отозвалась женщина. Ну, не рассказывать же ему снова про поезд, всё равно эта версия его не устроила.

— Но характер обычно остаётся. А вы — он чуть прищурился, и в этом прищуре промелькнуло что-то новое, не просто раздражение, а любопытство? — впрочем, неважно. Слушайте.

Говорил он коротко, по делу. Кира, дочь промышленника, умер отец, завещание: либо замуж за одного из трёх (князь, Демид, профессор Яр), либо год доказывать совету, что способна управлять. Дядя Влас и кузина Изольда — главные враги, хотят наследство. Звениград — город, где всё решается.

Лаконично, информативно. Хоть и не фига не понятно. Но оставался главный вопрос.

— А я кто такая? Ну, Кира эта?

Князь усмехнулся. Усмешка вышла кривой, безрадостной.

— Дура. Красивая, капризная. В Сферуме сидит постоянно, снимки выкладывает. Три тысячи подписчиков. Без умных мыслей. Кокетничает напропалую со всеми, но выбирает, кто побогаче.

Тоня наморщила лоб.

— Сферум? — переспросила она. — Это типа ну, где подписчики? Соцсеть?

Одна бровь князя чуть дрогнула, выдавая удивление.

— И этого не помните?

— А, ладно, проехали, — Тоня отмахнулась. — Главное понятно: местная звезда экрана, круглая дура. Не страшно, изображу.

И снова бровь князя дрогнула. На этот раз выше, почти к линии волос.

— Вы стали удивительно самокритичны.

— Сами же сказали: чего только не бывает с перепоя, — пожалла плечами Тоня и тут же поморщилась — корсет снова впился в рёбра.

Князь помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Опустим это. Вы всё запомнили?

Тоня задумалась, шевеля губами, перебирая в уме: женихи, совет, дядя, город. Потом выругалась сквозь зубы:

— Да ёб твою мать, отчество и фамилию не помню!

Князь скрипнул зубами. Пальцы, сцепленные на колене, сжались так, что побелели костяшки. Но почти сразу он успокоился, собрался, и голос зазвучал ровно, будто он учитель, объясняющий урок нерадивой ученице.

— Петровна. Кира Петровна. А фамилия — как у отца, по девичеству матери — Вересова. Но для всех вы просто Кира.

— Кира Петровна Вересова, — послушно повторила Тоня. Потом, глядя в зеркальную дверцу шкафа, добавила с интонацией, от которой у любого блогера свело бы скулы: — Ки-ра! Ки-рочка! Подписывайтесь, дорогие!

Князь замер. Снова дрогнула бровь, но уже иначе, чем раньше. Не оценил. Или оценил, но не в ту сторону.

— Понятия не имею, где вы этого набрались, — сказал он после паузы. — Но даже такие, как вы, должны иногда сдерживаться. Хотя бы ради подписчиков.

Поезд дёрнулся. За окном поплыли первые дома. Старинные, цветные, одно- и двухэтажные, с тёмными черепичными крышами, резными наличниками и палисадниками, в которых буйно цвели какие-то яркие кусты. И никаких высоток. Совсем. По вагону прокатился голос проводника, усиленный медным рупором:

— Звениград! Стоянка пятнадцать минут!

Князь сразу же рывком, но с достоинством поднялся. Поправил фрак, одёрнул манжеты, бросил взгляд в маленькое зеркальце на стене — волосы на месте, всё идеально. Протянул руку.

— Поднимайтесь. Идём.

Тоня встала, пошатнулась на каблуках и тут вцепилась и в ладонь, и в мужской локоть, как утопающая в спасательный круг.

— Господи, да как они тут ходят? Я же сейчас грохнусь мордой в ковёр, и все три жениха останутся с носом!

Глаз от пола она не отрывала, чтобы видеть, куда ставит ногу, но скрип чужих зубов услышала отчётливо. И всё же вслух князь ничего не сказал. Только рука подхватила её под локоть крепче, почти до боли.

Поезд остановился.

ГЛАВА 2. Вокзал

Перрон встретил шумом, запахом угольной гари и чем-то ещё, незнакомым, отчего слегка покалывало кожу. Вокруг царила обычная для любого железнодорожного узла суматоха. Люди сновали туда-сюда, носильщики тащили чемоданы, где-то кричал паровоз. И над всем этим возвышался старый, но ухоженный вокзал: чугунное кружево, высокие арки, фонари с мутными стёклами, которые сейчас, при ярком солнце, казались просто тёмными шарами.

Тоне отчаянно хотелось покрутить головой, разглядывая старинное великолепие, но насущные проблемы накладывали на её азарт своё вето. В вагоне их хотя бы никто не толкал. Здесь же человеческий поток нёсся со всех сторон, и если бы она по-прежнему не вцепилась в локоть князя, то в следующий бы момент реально проехала бы носом по каменным плитам. За те несколько минут, пока они выбирались из поезда, она так и не смогла ни «вспомнить», ни заново научиться ходить на чудовищных шпильках, что сейчас красовались на её ногах. А знание названия дурацкой подушки на жопе не делало Тоню экспертом по передвижению в таком снаряжении — её всё равно заносило, и она то и дело наваливалась на князя, пытаясь удержать равновесие.

К его чести, он не давал никаких комментариев. Просто шёл рядом и терпеливо выдерживал, как его спутницу мотает из стороны в сторону.

Когда он вдруг остановился, Тоня, не успев затормозить, ткнулась носом в его плечо. Корсет снова впился под рёбра, напоминая о себе глухим удушающим обручем. Она стиснула зубы, с трудом выпрямилась, чувствуя, как предательски дрожат колени.

— А Вон они, — проговорил князь, и в голосе его проступила усталость. — Позвольте представить: Демид, начальник станции. И профессор Яр.

Тоня подняла голову. Демид оказался тем, кто шагнул вперёд первым. Молодой, красивый, в тёмно-синем мундире с блестящими пуговицами — старинная форма начальника станции, какие она видела только на старых фотографиях в архивах. Фуражка в руках, светлые глаза смотрели на «Киру» с такой надеждой, что Тоня внутренне поморщилась. Любая приязнь — лишнее внимание, а ей сейчас лучше вообще не отвечивать.

— Кира Петровна, — Демид чуть запнулся, словно имя давалось с трудом. — Рад видеть.

Голос низкий, спокойный. Тоня кивнула. В лицо дунул ветер, влажный, с привкусом грозы, и она вдруг ощутила, как волосы щекочут шею. Чужие волосы, чужая шея, чужая жизнь. Эх!

— Простите за опоздание, — продолжил Демид, чуть склоняя голову. — С перегонном вышла заминка. Товарный состав встал на путях, пришлось перегонять ваш поезд в обход.

— На каком перегоне? — спросила Тоня, и только потом сообразила, что вопрос прозвучал слишком по-деловому. Но слова уже вылетели, и внутри всё похолодело. Спектакль, Тоня, спектакль. Ты должна быть дурой.

Демид ответил, не раздумывая:

— На седьмом, перед развилкой на старый тракт.

— Однопутный участок?

— Да.

Тоня мысленно нарисовала схему. Пальцы на локте князя чуть ослабили хватку — она поймала себя на том, что собирается сложить руки на животе, как делала всегда за разбором чертежей. Вовремя одёрнулась, снова вцепилась в чужой локоть, но взгляд Демиды уже заметил это движение.

— И как долго товарный простоял до того, как его убрали? — спросила она, и голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

— Около трёх часов. Пришлось ждать, пока из депо пригонят вспомогательный состав.

Тоня нахмурилась, перебирая в голове возможные схемы движения. Три часа. Если участок однопутный, а товарный встал на стрелке, то и вспомогательный не мог подойти с той же стороны. Значит, гнали встречным ходом от следующей станции. Но там тоже всего одна колея. Где-то в глубине сознания заскрежетали старые схемы, которые она учила ещё в аспирантуре.

— Вы что, бросили его на запасной путь и только потом пропустили пассажирский? — уточнила она, и голос вдруг стал чужим — твёрдым, въедливым.

Демид замер. Его лицо, ещё секунду назад открытое и чуть растерянное, стало осторожным. Пальцы на фуражке замерли. Ветер шевельнул выбившуюся прядь русых волос у него надо лбом.

— Так и сделали, — ответил он медленно, словно взвешивая каждое слово. — Но чтобы загнать товарный на запасной, нужно было время. Мы использовали старую ветку, она ведёт прямо к депо. Но она давно не ремонтировалась, пришлось вести состав шагом.

— Старая ветка, — повторила Тоня. В голове уже выстроилась картинка: резервная линия, которой пользуются как отстойником, вместо того чтобы ввести в эксплуатацию. Она слышала такие истории от старого машиниста, который приходил к ним на кафедру. — Значит, сначала вывели товарный на неё, освободили главный путь, потом прогнали пассажирский. А товарный так и стоит на старой ветке?

— Пока да.

Она покачала головой, и внутри шевельнулось что-то давно забытое — азарт человека, который понимает, как должно работать, и видит, где сломано.

— А почему не прогнали его сразу в депо? Там же ремонт, диагностика. Или вы не знали, что двигатель барахлит?

— Знали, — голос стал жёстче. — Но депо перегружено, очередь на ремонт — месяц. Пока состав стоял, мы хоть груз обернули.

Тоня присвистнула про себя. Месяц. Система, в которой техника разваливается, а чинить её нигде. Она такие отчёты в архивах разбирала — и всегда удивлялась, как это вообще не развалилось всё к чертям. Только сейчас вместо старых пожелтевших страниц перед ней стоял живой человек с напряжённым лицом и светлыми глазами, которые смотрели на неё с чем-то новым — не с надеждой, с настороженным уважением.

— Месяц — это много, — сказала она вслух. — А за это время двигатель мог клиннуть где угодно. Даже на подъёме. Или на мосту. Вы бы тогда не три часа стояли.

Демид молчал. Только желваки заходили на скулах. Пальцы снова задвигались по фуражке, и Тоня вдруг заметила, какие у него руки — широкие, в мозолях, с чёткими выступающими венами. Руки человека, который привык не только отдавать приказы, но и работать.

— Вы... вы разбираетесь? — спросил он тихо.

Тоня чуть не ответила «немного», но вовремя прикусила язык. «Немного» — это она так, для протокола. На самом деле она эти схемы, эти правила, эти аварии знала по диссертации, которую защитила пятнадцать лет назад. А до того — по книжкам, которыми в детстве зачитывалась о паровозах и железных дорогах.

— Читала, — выдохнула она, наконец сообразив, что только что чуть не похоронила карьеру Киры-дуры. — В институте. Кажется...

Сзади кашлянули. Тоня обернулась.

Профессор, который до сих пор стоял чуть поодаль, вдруг шагнул вперёд, теребя край длинного сюртука, что сидел на нём мешком. От него пахло старыми книгами, чернилами и почему-то мятой. Лысеющая голова, круглые очки, рыжеватые остатки волос, торчащие в стороны. Парадный наряд явно был ему не по размеру, и профессор то и дело поправлял воротник, который норовил наехать на уши. Но глаза за стёклами смотрели остро, с живым, нетерпеливым блеском.

— Вы говорите о старой ветке, — голос у него оказался высокий, слегка скрипучий, но в нём чувствовалось живое нетерпение. — А ведь это наша проблема. Если бы мы могли восстановить её до депо, то разгрузили бы узел и не гоняли бы составы в объезд. Но двигатели...

— Двигатели, — перебила Тоня, поворачиваясь к ним. Корсет снова впился в рёбра, и она невольно выдохнула сквозь зубы. — У вас что, все старые?

Профессор словно только этого и ждал. Вспыхнул, поправил очки, которые съехали на нос, и выпалил:

— Старые! Но у нас есть новые разработки! Теоретически — они сокращают износ в два раза. Но практика... — он махнул рукой, и широкий рукав сюртука хлопнул по воздуху. — Не работают. Не хватает мощности, угол лопастей подобран неправильно...

— Угол лопастей? — переспросила Тоня, и в голове что-то щёлкнуло. Она вспомнила старые чертежи, которые разбирала с научным руководителем. Тогда ещё смеялась, что это никому не пригодится. — Вы пробовали изменять угол атаки?

Профессор замер. Его лицо, ещё секунду назад взволнованное, вдруг стало сосредоточенным, почти хищным. Он сдвинул очки на лоб, и без них глаза его казались огромными, лихорадочно блестящими.

— Угол атаки? — повторил он медленно. — Вы... вы знаете, что это такое?

— В институте читала, — пробормотала Тоня, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она сказала лишнее, теперь поздно, но продолжала говорить, уже на автопилоте: — В старых записях. Если пар подаётся под другим углом, он создаёт большее давление на лопасти. Соответственно, КПД растёт.

Профессор открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл, собираясь спорить — видно, привычка учёного. Но вдруг замолчал. Задумался. Глаза его стали квадратными. Сюртук съехал с плеча, но он не заметил, застыв с поднятой рукой.

— Это это же — Он схватился за голову, взъерошив редкие волосы. — Я думал об этом! Но не проверял! Надо срочно считать!

Он развернулся и чуть не побежал, бормоча под нос цифры, споткнулся, даже не заметил. Про попроситься не вспомнил. Сюртук развевался за ним, как знамя.

Наступила тишина. Демид смотрел на Тоню с нескрываемым потрясением. Князь, стоявший рядом, медленно повернул голову. В его взгляде лёд смешался с острым любопытством — так смотрят на внезапно заговорившую куклу, пытаясь понять, что сломалось в механизме. Ветер стих, и на перроне на миг стало тише — разъехавшиеся пассажиры уже покинули платформу, но в отдалении всё так же гудела толпа у выхода.

— Кира, — сказал князь негромко, с той самой вежливостью, от которой у Тони зубы сводило. — Вы меня удивляете. Я, признаться, не знал, что вы в институте интересовались магмомеханикой.

Тоня мысленно выругалась. Князь явно заподозрил неладное. Дура Кира в жизни бы не знала про угол атаки и уж точно не стала бы сыпать техническими терминами на перроне. Значит, надо срочно придумать правдоподобное объяснение. Она лихорадочно перебирала варианты, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Хорошо хоть в ярком дневном свете это не так заметно.

— Ну, так вышло, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Может, отец что в детстве рассказывал, а тут после вчерашнего всё в голове перепуталось...

Князь поднял бровь, но спорить не стал. Только желваки на скулах снова заходили. Он кивнул Демиду:

— Нам пора. Кира Петровна устала с дороги. До встречи.

Тоня тоже кивнула.

— Спасибо, что встретили.

Демид поклонился, и в этом поклоне было что-то новое — не только вежливость, но и осторожный интерес. Он хотел что-то сказать, но князь уже увлёк Тоню к выходу с перрона. Его пальцы вцепились в её локоть крепче, чем нужно, но она не сопротивлялась.

На привокзальной площади толпились экипажи, носильщики, извозчики. Пахло лошадьми, дешёвым табаком и горячим маслом. И несколько машин — Тоня аж голову вывернула, провожая взглядом одну из них. Похожа на старый «рено», только без выхлопной трубы и с какими-то мерцающими значками на капоте.

— Ваша машина у отца осталась, — сухо заметил князь, проследив за её взглядом. — В гараже особняка. Если не разучились водить.

Есть машина — значит, будет чем уехать, если всё пойдёт совсем не так. Тоня промолчала, но запомнила.

Князь подвёл её к экипажу — самому обычному, с лошадьми, пахнущему кожей и сеном. Открыл дверцу, и Тоня попыталась забраться внутрь.

И тут же чуть не грохнулась лицом вниз.

Каблук зацепился за подножку, турнир сзади выперло так, что она не могла согнуться, а корсет, проклятый корсет, снова впился в рёбра, не давая сделать нормальный вдох. Тоня застыла в полусогнутом положении, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Сударыня, — раздался сзади голос князя. В нём не было иронии, только усталая вежливость. — Позвольте.

Он взял её за талию — руки оказались сильными, неожиданно крепкими — и буквально впихнул внутрь, развернув так, чтобы турнир не застрял в дверном проёме. Тоня плюхнулась на сиденье, как куль с мукой, и только чудом не заехала головой в противоположную дверцу.

— Спасибо, — выдохнула она, стараясь не смотреть на него.

Князь молча сел напротив. Экипаж тронулся, за окошком поплыли улицы Звениграда — старые дома, вывески, редкие прохожие. Где-то вдалеке снова прогудел паровоз, и Тоня вздрогнула.

Князь молчал. Тоня молчала, чувствуя, как корсет душит, как колотится сердце, как дрожат руки, которые она спрятала в складках платья. Но долго выдерживать паузу не умела.

— А ведь и правда, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, — память — штука странная. Не знала, что помню про эти лопасти, а тут вдруг всплыло. Наверно, отец когда-то рассказывал, а я и забыла.

Князь посмотрел на неё долгим взглядом. Его лицо в дневном свете казалось высеченным из камня.

— Не знал, что вы в институте вообще что-то читали, кроме записей о собственном Сфереуме.

Тоня осеклась. Покусывая губу, отвернулась к окну и пробурчала недовольно, почти себе под нос:

— Хотя нет... наверно, у отца в библиотеке читала. У него там много всего.

Князь ничего не ответил. Смотрел в окно, но Тоня кожей чувствовала — краем глаза он следит за каждым её движением. В экипаже пахло его одеколоном — дорогим, горьковатым, с нотками можжевельника. И лошадьми, и старой кожей, и чем-то ещё неуловимым, от чего затылок покалывало.

«Твою ж дивизию, — мысленно выругалась она. — Этот тип вежливый, но глаз острый. Надо аккуратнее. И чтоб я ещё раз открыла рот без надобности — да ни за что».

Экипаж свернул на тихую улицу, и колёса зашуршали по гравии. Сзади послышался стук копыт — чей-то экипаж проехал мимо, где-то залаяла собака. Пахло сырой землёй и цветущим жасмином — запах пробивался даже сквозь дорожную пыль.

— Приехали, — сказал князь. — Особняк вашего отца.

Тоня посмотрела на тёмные окна, на каменные стены, на резную дверь. Ветер стих, стало тихо, только сердце всё ещё колотилось где-то в горле.

Князь вышел первым, протянул руку. Тоня выбралась из кареты, чувствуя, как подлые каблучки снова её подводят, теперь уже утопая в мелком гравии, и тихо мечтая забиться в какие-нибудь кусты и сорвать ненавистную жопную подушку. Она едва успела ухватиться за княжеский локоть и только чудом не грохнулась на колени, а то и ниже.

— Спасибо, — процедила сквозь зубы, начиная ненавидеть себя за это постоянное благодарение. Но по-другому, увы, не получалось.

Князь не ответил. Только дождался, пока она выпрямится, и тогда кивнул на ворота:

— Вы здесь не были много лет.

Тоня выдохнула, поправила декольте и подняла подбородок.

— Что ж, — сказала она вслух, чувствуя, как голос набирает твёрдость. — Пойдёмте знакомиться с моим новым домом.

ГЛАВА 3. Особняк

Солнце уже перевалило за полдень, воздух стоял плотный, нагретый, пах сухой травой и пылью. Где-то за деревьями стрекотали кузнечики, и в этом стрекоте тонул далёкий гудок паровоза. И казалось что дом спит. Но скрипнула калитка, и на дорожку выбежала женщина. Круглолицая, румяная, тёмные волосы убраны под платок, передник завязан на талии тугим узлом. Руки она вытирала о ткань — видно, отвлекли от стряпни, бросила тесто, едва услышала, что барышня приехала. А на лице застыла растерянная, счастливая улыбка, в глазах — слезинки, которые она пыталась смахнуть уголком передника.

— Барышня! Кира Петровна!

Голос звонкий, срывающийся на радость. Женщина подбежала, схватила Тоню за руки, сжала так, словно боялась, что та исчезнет. Ладони у неё оказались тёплые, шершавые, пахли мукой и свежим хлебом.

— А мы уж заждались, думали, завтра приедете, а вы вон сегодня! — щебетала она, не отпуская её рук. — Я уж и не надеялась, думала, опять что случилось, а вы

Князь наклонился к уху Тони и прошептал так тихо, чтобы слышала только она:

— Меланья. Экономка. Ещё ваша мать её взяла.

Выпрямился, устало потёр переносицу — дорога вымотала не только её, и сказал уже громко, для экономки:

— Кира Петровна устала с дороги. Помогите ей устроиться, а я заеду вечером, когда отдохнёт.

Меланья закивала, снова хватая Тоню под локоть. Князь ещё раз кивнул, прощаясь, и направился к своему экипажу. Тоня проводила его взглядом: спина прямая, шаг размеренный, но во всей фигуре чувствовалась усталость. Несколько часов тащить на себе пьяную дуру — с кем угодно сил не останется.

— Пойдёмте, барышня, — Меланья повела её к дому. — Я вам всё покажу, вы, верно, устали, отдохнуть надо.

Тоня подняла голову. За воротами стоял старый дом из тёмного камня, два этажа с мезонином, высокие окна, на фасаде лепнина: завитушки, какие-то символы, полустёртые временем. Сад перед ним выглядел запущенным, но всё ещё благородным: кусты сирени, старая яблоня, дорожки, заросшие травой. Ветви деревьев тянулись к солнцу, переплетались над калиткой, создавая зелёный полумрак.

И вдруг Тоня почувствовала, как внутри всё сжалось. словно само тело отозвалось глухой тоской, чем-то давним, забытым, но всё ещё живым. «Вот дурость-то, — раздражённо возмутилась она. — Отвали! Поздно страдать, а я тут вообще никто». Она одёрнула рукав, поправила съехавшую прядь и строго напомнила себе: спектакль, Кира — дура. Никакой жалости, никаких посторонних чувств. Только роль.

— Кстати, я распорядился, — ворвался в её мысли голос князя, — ваши вещи доставят позже, отдельным экипажем.

Тоня кивнула, даже не сразу сообразив, о чём он. Вещи. Чужие вещи, чужая жизнь. Упоминать бы всё.

Калитка скрипнула, и на дорожку выбежала женщина. Круглолицая, румяная, тёмные волосы убраны под платок, передник завязан на талии тугим узлом. Руки она вытирала о ткань — видно, отвлекли от стряпни, бросила тесто, едва услышала, что барышня приехала. А на лице застыла растерянная, счастливая улыбка, в глазах — слезинки, которые она пыталась смахнуть уголком передника.

— Барышня! Кира Петровна!

Голос звонкий, срывающийся на радость. Женщина подбежала, схватила Тоню за руки, сжала так, словно боялась, что та исчезнет. Ладони у неё оказались тёплые, шершавые, пахли мукой и свежим хлебом.

— А мы уж заждались, думали, завтра приедете, а вы вон сегодня! — щебетала она, не отпуская её рук. — Я уж и не надеялась, думала, опять что случилось, а вы

Князь наклонился к уху Тони и прошептал так тихо, чтобы слышала только она:

— Меланья. Экономка. Ещё ваша мать её взяла.

Выпрямился, устало потёр переносицу — дорога вымотала не только её, и сказал уже громко, для экономки:

— Кира Петровна устала с дороги. Помогите ей устроиться, а я заеду вечером, когда отдохнёт.

Меланья закивала, снова хватая Тоню под локоть. Князь ещё раз кивнул, прощаясь, и направился к своему экипажу. Тоня проводила его взглядом: спина прямая, шаг размеренный, но во всей фигуре чувствовалась усталость. Несколько часов тащить на себе пьяную дуру — с кем угодно сил не останется.

— Пойдёмте, барышня, — Меланья повела её к дому. — Я вам всё покажу, вы, верно, устали, отдохнуть надо.

В доме царил прохлада. Пахло старым деревом, воском и чуть сыростью — окна были открыты, сквозняк гулял по коридорам, но в углах всё равно чувствовалась долгая запертость. Видно, парадные комнаты давно не топили, зачем греть пустые залы? Меланья, наверное, обитала в своей каморке, топила там, а остальное стояло нетронутым.

Прихожая оказалась высокой, с дубовой лестницей на второй этаж, стены увешаны портретами. Строгие лица в рамках, чёрные сюртуки, тёмные платья. Тоня мельком взглянула на них — судя по всему, предки Вересовых. Кира похожа на кого-то из них? Может быть, на ту женщину в кружевом чепце? Время стёрло черты, но что-то общее угадывалось.

Меланья повела её дальше, приговаривая: «А здесь гостиная, тут столовая, а вот кабинет батюшки» Она показывала комнаты так, словно Кира видела их впервые, и Тоня поняла: экономка просто радуется, суетится, хочет угодить. Кира прожила здесь почти шестнадцать лет, но Меланья, видно, не ждала, что барышня всё помнит после столичной жизни. Да и правильно — не помнит. Тоня-то и подавно.

— Библиотека? — переспросила Тоня, когда Меланья, распахнув очередную дверь, с пафосом произнесла: «А это батюшкино любимое место».

— Да, барышня, — Меланья посторонилась, пропуская её вперёд. — Он здесь днями пропадал. Бывало, сидит до ночи, только перо скрипит.

Тоня шагнула через порог.

Комната оказалась огромной, с высокими стеллажами до потолка. Книги в кожаных переплётках, с золотым тиснением, стояли ровными рядами, корешки тускло поблёскивали в лучах, пробивавшихся сквозь высокие окна. Тяжёлые шторы откинута, свет падал на длинный стол, заваленный бумагами, чертежами, раскрытыми фолиантами. Пахло здесь по-другому: не пылью и тленом, а бумагой, временем, чем-то ещё — теплом, что ли, или покоем. Солнечные зайчики прыгали по полу, высвечивали толстые корешки энциклопедий, стопки писчей бумаги, чернильницу с высохшими чернилами.

Тоня шагнула внутрь — и про всё забыла. Про корсет, который снова впился в рёбра, когда она сделала лишнее движение. Про каблуки, что скользили по натёртому паркету. Про турнюр, который сейчас точно за что-то зацепился бы, если бы она обернулась. Она прошла вдоль стеллажей, проводя рукой по корешкам, чувствуя пальцами тиснёную кожу, шершавую ткань, гладкое дерево. Взяла с полки первый попавшийся томик — пухлый, в зелёном переплётке, с выцветшими буквами на корешке. Открыла, вдохнула запах старой бумаги, чуть сладковатый, чуть горьковатый. Страницы пожелтели, но буквы держались крепко.

Её место. Её, не Кирино. Такое знакомое, такое родное, что на миг показалось — она сейчас развернёт чертежи, усядется поудобнее, и пойдёт работа.

— Я потом сюда приду, — сказала она, с трудом отрываясь от книг, возвращая томик на место. — Обязательно.

— Конечно, барышня, — закивала Меланья, и в её голосе Тоня уловила что-то похожее на умиление. — А теперь пойдёмте, я вам комнату покажу. Вам отдохнуть надобно.

Комната Киры оказалась на втором этаже. Меланья поднялась впереди, придерживая перила, пропуская Тоню вперёд. Длинный коридор, стены оклеены обоями в мелкий цветочек, на полу — дорожка, прибитая медными гвоздями. В конце — дверь с бронзовой ручкой.

— Вот здесь, барышня, — Меланья распахнула её.

Большая, светлая комната с видом на сад. Кровать с балдахином, застеленная свежим бельём, туалетный столик с зеркалом в резной раме, платяной шкаф. В углу — изящная ширма, за которой, как выяснилось позже, скрывалась ванна. Но водопровода в доме не было, воду носили из колодца, грели на кухне и поднимали наверх в кувшинах.

Всё убрано, чехлы сняты, на подоконнике — букет полевых цветов в глиняном кувшине. Ромашки, васильки, колокольчики. Тоня невольно улыбнулась.

— Вы уж простите, барышня, — Меланья засуетилась, подошла к кровати, стряхнула с покрывала невидимые пылинки, расправила складки, которые и так лежали ровно, поправила занавеску на окне. — Я думала, вы завтра, а вы вон сегодня. Не успела как следует, только самое главное.

— Всё отлично, Меланья, — Тоня огляделась. Чисто, уютно, пахнет травами. — Спасибо.

— Ох, барышня, давайте я вам помогу разоблачиться? — Меланья уже тянулась к шнуровке, ловко распуская узлы. — Наряд-то какой красивый, столичная мода, видать. Только тяжёлый, поди. Я уж и не знаю, как вы в таком ездите.

Тоня почувствовала в её голосе не осуждение, а скорее восхищение — вон как барышня одета, не чета здешним. И от этого на душе стало чуть легче.

— Ох, Меланья, ты даже не представляешь, — выдохнула она, чувствуя, как с каждым ослабленным шнурком возвращается дыхание.

Экономка действовала быстро и умело: расшнуровала корсет, помогла снять платье, подала мягкий халат из тёплой шерсти. Тоня вздохнула полной грудью, ощущая, как расправляются лёгкие, как перестаёт ныть поясница, как возвращается способность думать о чём-то, кроме собственного неудобства.

— Вот теперь хорошо, — сказала она, запахиваясь.

— Я сейчас, барышня, водичку принесу, умоетесь с дороги, — Меланья метнулась к двери. — А там чай пить будем, пирожки с капустой, с утра напекла. Вы в дороге-то ели хоть что?

Тоня чуть не брякнула, что в дороге Кире точно не до еды было, но вовремя прикусила язык, чтобы себя не выдать. Кивнула:

— Спасибо, Меланья. Перекусила немного.

Экономка вернулась с большим глиняным кувшином, поставила его на туалетный столик. Тоня плескала воду в лицо, чувствуя, как прохлада смывает дорожную одурь. Вода пахла колодцем, чуть железом. Полотенце оказалось чистым, жёстким, накрахмаленным.

— А теперь я чай принесу, — Меланья выпорхнула, прихватив кувшин.

Тоня подошла к окну. Сад внизу тонул в золотистом свете, кузнечики стрекотали в траве, где-то на яблоне щебетала синица. Воздух был тёплый, ленивый, пахло яблоками и скошенной травой. Она вдруг подумала, что Меланья, наверное, лет на десять её моложе — сорок с небольшим. А выглядит старше — тяжёлая работа, заботы. Тоня в свои пятьдесят два привыкла всё делать сама, никого не просить, ни на кого не рассчитывать. А сейчас сидит в чужом

доме, в чужом теле, и кто-то суетится вокруг неё, как вокруг ребёнка. И это было странно, непривычно — и до слёз приятно.

Вернулась Меланья с подносом. Расставила чайник, чашку, блюдце с пирожками, тарелку с мёдом. Села на краешек стула, глядя на Тоню счастливыми глазами. Пальцы её нервно перебирали край передника.

Тоня откусила пирожок — действительно вкусный, сдобный, с хрустящей корочкой. Пожевала, запила чаем, а потом спросила, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

— Меланья, а отец как он? Я так давно не была, даже не знаю

— Батюшка ваш, барышня, — вздохнула Меланья, — после маменьки совсем в работу ушёл. На заводе днями пропадал, дома почти не бывал. А по вечерам в библиотеку записался, бумаги разбирал. Тяжело ему было.

— После маменьки? — переспросила Тоня, хотя внутри уже всё сжалось. — Так мама

— Умерла, барышня, — тихо сказала Меланья. — Девять лет уж. Вы тогда в столицу как раз уехали, учиться. А она вскорости и Болела долго, тяжело. Врачи не помогли.

Тоня поставила чашку, чувствуя, как внутри поднимается что-то тяжёлое. Не её боль — нет, Кирина. Но от этого не легче. Свою мать она похоронила десять лет назад, и та боль не уходила до сих пор. А тут — человек, которого она никогда не знала, а тело помнит. И этот человек умер, пока Кира училась в столице, пока снималась в своих дурацких роликах, пока кокетничала с подписчиками.

— Я не приехала, — сказала Тоня, и в голосе её прорвалось что-то чужое, злое. — Даже не приехала. Дура.

Меланья вздрогнула.

— Батюшка не велели тревожить, барышня. Сказали — пусть учится, не надо ей.

— А мама? — Тоня посмотрела на неё в упор. — Она что говорила? Ну, до того, как...

Меланья опустила глаза, теребя передник.

— Писала вам, барышня. Письма. Долго ждала. А потом уже сил не стало.

Тоня закрыла глаза. Перед внутренним взором встала другая женщина — её собственная мать, такая же тихая, такая же спокойная. И тоже не успела. Также не приехала вовремя, потому что работа, потому что деньги, потому что казалось — успеется. Итог один — пустота.

— Дура, — повторила она, и на этот раз слово относилось и к Кире, и к ней самой.

Меланья сидела молча, боясь пошевелиться. Тоня открыла глаза, посмотрела на экономку — испуганную, растерянную, не понимающую, чем обидела барышню.

— Прости, Меланья, — сказала она. — Не сердись. Я это я виновата, а не ты.

— Да что вы, барышня, — экономка замотала головой. — Вам и без того тяжело.

Тоня отпила чай, пытаясь унять дрожь в руках. Крепкий, с травами, чуть горчит. Пирожок застрял в горле.

— А отец? — спросила она. — Он так и не женился больше?

— Нет, барышня. Всё один. По заводам, по бумагам. Да в библиотеке. — Меланья помолчала, потом добавила осторожно: — И вам писал, барышня. Регулярно. Только вы не отвечали.

Тоня кивнула. Ещё одна вина, не её, но теперь ей расплачиваться.

Она допила чай, поставила чашку на поднос. Меланья поднялась, собирая посуду, но Тоня жестом остановила её:

— Посиди ещё немного. Расскажи, как тут всё устроено. Я столько лет не была, боюсь, заблужусь.

Меланья снова опустилась на стул, руки её замерли на коленях.

— Да что ж тут рассказывать, барышня Комнаты вы все видели. Спальня ваша, кабинет, гостиная. Библиотека внизу. Вода на кухне, я скажу, когда нагреется. Бельё в комод, платья в шкафу. Ваши вещи, что из столицы привезут, я разберу и положу, как велите.

Тоня кивнула, запоминая. Потом, чуть помедлив, спросила:

— А как тут с удобствами? В поезде был унитаз, а здесь я, честно говоря, даже не припомню

Меланья поняла сразу, лицо её стало чуть смущённым, но она ответила спокойно, деловому:

— У вас в комнате, барышня, за ширмой есть ночной горшок. Фарфоровый, чистый, я сегодня ставила. Утром я приду, заберу. А если ночью понадобится — вы сами, барышня, не первой.

Тоня мысленно присвистнула. Ну да, сама, конечно. Что ж она, не справится? Просто в поезде был нормальный унитаз с кнопкой, а тут — фарфоровая красота. Она вспомнила свою дачу, где туалет на улице, и подумала, что фарфоровый горшок в комнате — это даже роскошь по сравнению с тем, что было у её бабушки.

— Спасибо, Меланья. Я разберусь, — сказала она твёрдо, чтобы экономка не вздумала предлагать ночную помощь.

Меланья кивнула, улыбнулась:

— Ну и ладно, барышня. Вы уж не стесняйтесь, я здесь для того и есть.

— Я не стесняюсь, — соврала Тоня, чувствуя, что снова краснеет. — Просто привыкаю.

— Привыкнете, барышня, — Меланья поднялась, подхватывая поднос. — Всё у вас будет хорошо, барышня. Отдыхайте. Как князь приедет, я вас позову.

— Спасибо, Меланья. — Пробормотала Тоня, глядя ей вслед. Экономка вышла, тихо прикрыв дверь. А Тоня, в шкуре Киры, осталась одна.

«Всё у вас будет хорошо» — это Меланье-то всё хорошо, да просто. Ей же, Тоне, ещё разбираться и разбираться. Но хотя бы с самым насущным вопросом прояснили.

Она встала, прошла по комнате, подошла к ширме, заглянула — там действительно стоял фарфоровый горшок с крышкой, расписанный синими цветочками. Рядом — маленький кувшин с водой и полотенце. Всё чинно, благородно, даже как-то уютно. Тоня хмыкнула: вот тебе и барские хоромы. В поезде — унитаз с кнопкой, здесь — фарфоровая красота. Но главное, что есть, и не на улице.

Она вернулась к зеркалу. Светлые волосы растрепаны, серые глаза смотрят устало, под ними залегли тени. Чужое лицо, чужое тело. Но внутри — она, Тоня, тётка из девяностых, которая видела и не такое. Которая старше Меланьи, но сейчас чувствует себя почти ребёнком — потому что кто-то налил ей чаю, накормил пирожками, пожалел. Потому что кто-то умер, и теперь это её вина. И потому что теперь её самое главное приключение в этом мире — это разобраться, куда ходить по нужде, и не перепутать горшок с кувшином для умывания.

— Маринка, — прошептала она, глядя на своё отражение. — Ты рассказывала, в твоих книжках героини на балах танцуют да за королевичей замуж выходят. А я тут сижу, узнаю, что моя новая мать померла, и не могу даже заплакать как следует, потому что плакать-то не о ком. О своей — плакала, о чужой — нет. А тело помнит, и от этого тошно. И при этом я ещё переживаю, как тут в туалет ходить, и радуюсь, что не на улицу. Вот тебе и попаданка, блин.

Она усмехнулась своему отражению, и на этот раз усмешка вышла чуть веселее.

— А ты, шерстяная, — сказала она тихо, подумав о Муське, — точно бы тут обжилась. Свежий воздух, мышцы, красота. Всё лучше, чем под поезд лезть. А я из-за тебя и вляпалась. Ну, спасибо, удружила. Сиди теперь тут, разбирайся с завещанием, женихами, да горшок фарфоровый рассматривай.

Она подошла к окну. Сад тонул в золотистом свете, кузнечики стрекотали в траве, от яблонь тянулись длинные тени. День клонился к вечеру, солнце уже не пекло, а мягко светило сквозь листву. Где-то залаяла собака, потом стихла. В доме было тихо, тепло, уютно. Где-то внизу возилась Меланья, слышался звон посуды, потом стихло.

Тоня присела на край кровати, провела рукой по покрывалу. Ткань оказалась плотной, прохладной, пахла лавандой. Она взглянула на часы — небольшие, настольные, с фарфоровым

циферблатом. Стрелки показывали пятый час. Князь обещал приехать вечером. Значит, есть ещё время.

Она вспомнила про книги. Та, которую она взяла в библиотеке, так и лежала на столике, где Тоня её оставила, собираясь в ванную. Она подошла, взяла томик, села в кресло у окна. Кожаный переплёт, тиснёные буквы, которые она не разобрала. Но картинки были красивые — чертежи, схемы, портреты строгих людей в париках.

Тоня открыла книгу наугад, в середину.

И замерла.

Страница была исписана мелким, изящным почерком. Буквы вились, загибались, образовывали слова, которые она не понимала. Совсем. Ни одной знакомой, даже отдалённо похожей. Тоня перевернула страницу. То же самое.

— Ах ты ж, — пробормотала она, припоминая. — Ну да, конечно. Манускрипт Войнича.

Она даже усмехнулась. В её прошлой жизни было несколько таких загадочных текстов — средневековые рукописи, которые никто не мог расшифровать. Может, ей попался именно такой? Старинный, технический, с устаревшими символами? Или вообще не книга, а какие-то чертежи с пометками на специальном языке?

Тоня закрыла томик, посмотрела на корешок. Нет, выглядит как обычная книга. Но мало ли.

Она встала, вышла в коридор, спустилась в библиотеку. В полумраке огромного зала стеллажи уходили вверх, к потолку. Тоня подошла к первому попавшемуся, наугад вытянула другой фолиант — поменьше, в тёмно-зелёном переплёте. Открыла. Те же закорючки, те же петли, завитки, чёточки. Ничего.

Третья книга — та же история. Четвёртая. Пятая.

Тоня остановилась у стеллажа, прижимая к груди последнюю взятую — какую-то тонкую брошюру с потрёпанным корешком, явно много раз читанную. И в ней — те же самые непонятные знаки.

Она медленно опустилась на край стола, заваленного бумагами. В голове крутилось: «Я историк. Я тридцать лет в архивах просидела. Я знаю древнерусский, латынь, немецкий, французский, могу разобрать греческий. А тут — ничего. Даже алфавита не знаю».

Она подняла глаза на стеллажи. Тысячи книг. И все они молчали.

— Ну что ж, — сказала она себе, и голос прозвучал ровно, почти спокойно. — Дура, так дура. Я и собиралась ею прикидываться. Теперь хоть врать не придётся.

Она усмехнулась, но усмешка вышла горьковатой. Провела пальцами по корешкам ближайших книг — кожа, ткань, тиснёные буквы, которые ничего не говорили. Её тактика была выбрана верно: дура не должна уметь читать. Дура не должна разбираться в технике. Дура должна только красиво улыбаться и кокетничать с женихами.

— А я, выходит, на роль идеально подхожу, — пробормотала она, беря с собой ту самую первую книгу — с красивыми чертежами. — Буду картинки рассматривать. Тоже дело.

Она вернулась в комнату, положила книгу на столик. В зеркале напротив отражалась молодая женщина с серыми глазами и накрашенными губами. Тоня подмигнула своему отражению.

— Ну что, Антонина, — сказала она. — Придётся тебе и правда стать дурой. Или хотя бы очень хорошо её изображать. Разницы, по сути, никакой.

Она ещё постояла у зеркала, разглядывая чужое лицо, и вдруг почувствовала, что организм после дороги требует самого простого и земного. Вдохнула, оглянулась на ширму в углу. Меланья говорила, там всё есть.

Тоня подошла к ширме, заглянула — там действительно стоял фарфоровый горшок с крышкой, расписанный синими цветочками. Рядом — маленький кувшин с водой и полотенце. Всё чинно, благородно, даже как-то уютно.

— Ну, здравствуй, цивилизация, — пробормотала она, присаживаясь. — В поезде был унитаз с кнопкой, здесь — фарфоровая красота. Но главное, что есть, и не на улице.

Закончив дела, она вылила воду из кувшина, нашла чистую тряпицу, вытерла руки. Всё, теперь можно и к князю выходить, если что.

Она вернулась к окну, села в кресло, вытянув ноги. Мысли крутились, наваливались одна на другую: мать Киры, которую она никогда не знала и уже оплакивать не умеет; отец, оставшийся в библиотеке с бумагами и непрочитанными письмами; князь, вежливый до скрежета, но с острым взглядом; Меланья — добрая, суетливая, своя. И библиотека. И горшок с цветочками.

Последнее почему-то вылезло на первое место. Тоня хмыкнула. Ну да, конечно. Из всего этого набора сейчас реальнее всего — фарфоровый горшок, на котором она только что сидела. Библиотека — завтра. Князь — вечером. Женихи, совет, дядюшка с кузиной — вообще когда-нибудь потом. А вот горшок — он здесь, он сейчас, он с цветочками. И это, между прочим, уже достижение: не на улицу бегать.

— Ладно, — сказала она себе, поднимаясь. — Влипла ты по-крупному. Всё чужое: лицо, тело, дом, даже книги теперь не твои. Но библиотека здесь — загляденье, Меланья — своя, князь — пока на моей стороне, хоть и держать ухо востро. А главное — горшок фарфоровый с цветочками на месте, и это уже победа. Так что не ной, а работай. Сначала дела — разобраться, что к чему, потом — совесть. А пока — причесаться и встречать князя.

Она подошла к туалетному столику, взяла гребень, начала расчёсывать спутанные волосы. Движения были неуверенными, непривычными — чужая голова, чужие волосы, но руки постепенно запоминали. В зеркале напротив отражалась молодая женщина с серыми глазами, и Тоня смотрела на неё, стараясь запомнить каждую черту. Это лицо теперь её. И ей с ним жить. И читать на этом языке она, может, когда-нибудь научится. А пока — дура так дура.

ГЛАВА 4. Вечер с князем

За окном давно стемнело. В комнате горел магический светильник — мягкий, ровный свет, без копоти и запаха. Тоня сидела в кресле, закутавшись в халат поверх ночной рубахи, и листала книгу, которую принесла из библиотеки. Картинки были красивые — чертежи, схемы, портреты строгих людей в париках. Буквы она по-прежнему не разбирала, но хотя бы смотрела, привыкала. Бесплезное занятие, конечно, но лучше, чем сидеть и гадать, с чего начнёт князь. И потом — дура и положено в книжки смотреть, не читая.

Мысли крутились: князь говорил, что приедет вечером. Сказал — и уехал. Что у него за манера — бросать такие заявления и исчезать? Или это у всех аристократов так принято — сначала обозначить намерение, а потом заставить нервничать неизвестностью? Тоня вздохнула. В конце концов, она же историк, а не шпионка, но роль дуры, оказывается, требует не меньше актёрского мастерства. Особенно когда партнёр по сцене смотрит так, будто каждую секунду ждёт, что ты сорвёшь голос и начнёшь петь арию из оперетты. А ещё теперь выяснилось, что она не умеет читать. Это, конечно, упрощает задачу: дура и есть дура, притворяться не надо.

В дверь постучали.

— Барышня, — заглянула Меланья, — князь приехали.

Тоня отложила книгу. Поправила халат — нет, в таком нельзя. Мало ли, князь воспримет как намёк или, наоборот, как оскорбление приличий. Она открыла шкаф, нашла что-то вроде домашнего платья — без корсета и без надюпки, мягкое, тёмно-синее, с длинными рукавами и высокой горловиной. Натянула поверх рубахи, приладила волосы перед зеркалом. Отражение показалось почти приличным. Насколько может быть прилична пятидесятидвухлетняя тётка в теле молодой блогерши, которая к тому же не умеет читать на местном языке.

— Сойдёт, — буркнула себе под нос и вышла, мысленно добавив: «А не сойдёт — пусть идёт в баню, у них тут, говорят, по-чёрному топят».

Князь сидел в кресле у камина. Перед ним на столике дымилась чашка чая, на блюде лежало печенье, нетронутое. При виде Тони он поднялся, чуть склонил голову. В полумраке комнаты его лицо казалось высеченным из камня — и таким же холодным.

— Добрый вечер. — Голос ледяной, вежливый до скрежета. — Как вы себя чувствуете?

— Лучше, — ответила Тоня, усаживаясь напротив. Кресло оказалось глубже, чем она ожидала, и она чуть не провалилась в него. Удержалась на краю, приняла позу поскромнее. — Голова всё ещё тяжёлая, но уже не раскалывается.

— Рад слышать. — Князь помолчал, разглядывая её. Взгляд скользнул по лицу, по рукам, по платью, и Тоня вдруг заподозрила, что её домашний наряд оценили и, кажется, одобрили. — Помните, матушка рассказывала: после сильных запоев память может возвращаться неделями. Иногда отдельные куски уходят навсегда.

— Надеюсь, не все, — осторожно сказала Тоня. «А то, что не все, — это я уже знаю. Я вообще ничего не помню, даже буквы».

Князь чуть приподнял бровь, но комментировать не стал. Перешёл к делу, и Тоня мысленно перевела дух. Ледяная вежливость лучше пристального допроса.

— Завтра в полдень первое заседание Наблюдательного совета. Я буду рядом, но говорить придётся вам. Позвольте напомнить, кто есть кто.

Он снова перечислил членов совета — сухо, по пунктам, как по писаному. Тоня слушала внимательнее, чем на любой лекции. Живыми с этого бала их возможно не выпустят, а значит, нужно играть роль до конца. Она мысленно раскрашивала каждого в свой цвет: инженер Степан Ильич — зелёный, безопасный, видел Киру ребёнком, вряд ли помнит; магистр Инесса — жёлтый, могла пересекаться на светских мероприятиях, будь осторожна; Аристарх Викторович

— красный, главная опасность. Бывал у отца, с Кирой встречался. Та ещё змея, судя по тому, как князь скривился, произнося его имя.

— С ним будьте особенно осторожны, — закончил князь. — Может проверять.

— Поняла, — кивнула Тоня. «Проверять, значит? Ну-ну. Меня в аспирантуре так проверяли, что профессора плакали. Посмотрим, кто кого».

Князь отставил чашку, и Тоня заметила, что он так и не притронулся к чаю. Вежливость или недоверие? Скорее, привычка — эти аристократы, наверное, даже в собственном доме боятся отравиться.

— Завтра утром я сделаю вызов, напомним время.

Тоня кивнула, но по лицу её, видимо, что-то мелькнуло — князь прищурился.

— Кира Петровна, вы помните, что такое сфер-шар?

— Э-э... — Тоня замялась. В голове пронеслось: сфера — это круглое, шар — тоже круглое, значит, что-то круглое. А что именно — неведомо. — Честно? Нет.

Князь вздохнул. Едва заметно, почти беззвучно. Но желваки на скулах снова заходили, и Тоня поняла, что её рейтинг в его глазах упал до уровня комнатной мухи.

— Я думал, такой навык у вас уж точно пропасть не мог. — Он помолчал, и в этой паузе Тоне послышалось: «Из всего, что вы забыли, именно это вы должны были помнить лучше всего». — Что ж, видимо, память пострадала серьёзнее, чем я предполагал. Где ваш сфер-шар?

— Не знаю. Наверное, в комнате.

Князь обернулся к двери, где Меланья стояла с таким видом, будто она здесь не человек, а часть интерьера.

— Меланья, будьте любезны, принесите сфер-шар Киры Петровны.

Меланья кивнула и выскользнула. Вернулась через минуту с небольшой хрустальной сферой размером с кулак. Шар матово мерцал изнутри, лежа в раскрытой сумочке-ридикюле в виде фарфоровой ракушки — чтобы не укатился и не разбился. Тоня сразу вспомнила, как её собственный телефон вечно норовит свалиться с тумбочки.

Князь взял ракушку, поставил на столик.

— Смотрите и запоминайте. — Он коснулся шара, тот засветился ярче. — Нажимаете сюда, шар активируется. Видите свечение? Теперь называете имя — моё, например.

— А если я не помню, как оно пишется? — ляпнула Тоня и тут же прикусила язык. «Дура, ты же не писать собралась, а говорить!» Но слово уже вылетело, и князь посмотрел на неё долгим взглядом, в котором смешались изумление и что-то похожее на отчаяние.

— Достаточно произнести вслух. Шар настроен на голос. — Он помолчал, и Тоня готова была поклясться, что сейчас он мысленно считает до десяти. — Хотя, если вы не помните, как меня зовут...

— Помню, — перебила Тоня, чувствуя, что краснеет. — Святослав Северский.

Князь чуть склонил голову. Назвал своё имя. Внутри шара поплыло изображение — пустая комната с книжными шкафами, видимо, его кабинет. Тоня отметила, что у него тоже есть библиотека. Хороший знак. У тех, у кого есть библиотеки, обычно не стреляют без предупреждения.

— Это я себе. Завтра утром я сделаю вызов. Когда шар завибрирует, просто коснётесь его и скажете «принять». — Он отодвинул ракушку к Тоне. — Попробуйте.

Тоня осторожно коснулась шара. Шар отозвался теплом, словно кот, которого гладят по спинке. Она повторила движения князя, назвала своё новое имя — внутри мелькнуло её собственное растерянное лицо.

— Получается, — сухо заметил князь. В его голосе Тоне почудилось облегчение. — Значит, не всё потеряно.

Он поднялся, и Тоня тоже встала, стараясь не опрокинуть ракушку.

— Отдыхайте. Завтра тяжёлый день. Если что-то срочное — вызывайте.

— Спасибо, — искренне сказала Тоня. И сама удивилась, как легко вырвалось это слово. Князь чуть склонил голову и вышел. Меланья проводила его и вернулась.

— Чай ещё подогреть, барышня?

— Нет, Меланья, иди отдыхай. Я сама.

Меланья ушла, и Тоня осталась одна с шаром.

Она вертела ракушку в руках, разглядывала сферу. Та мерцала, переливалась, внутри плавали какие-то искры, словно снег в новогоднем шаре. Тоня нажала на шар — он отозвался лёгкой вибрацией, и перед глазами всплыли лица. Маленькие, движущиеся, словно живые портретики. Подписей к ним не было — только лица. Тоня вздохнула с облегчением. С этим она справится.

Она провела пальцем по воздуху — лица сменяли друг друга. Вот князь — холодный, смотрит исподлобья. Вот Демид — тот самый, с вокзала, в мундире, без фуражки, светлые глаза смотрят настороженно. Тоня задержалась на нём чуть дольше, чем на остальных, и сама себе приказала: «Не отвлекайся, тётка, не в твоём возрасте на мальчиков заглядываться».

Вот профессор Яр — на портрете он был застигнут врасплох: очки съехали на нос, волосы торчали в разные стороны, на лице застыло выражение человека, который только что отвлекся от важного расчёта. Тоня представила, как он сидит в своём кабинете, заваленном чертежами, и забывает не только про внешний вид, но и про обед. «С таким-то учёным мужем не пропадёшь, — подумала она. — Если, конечно, он не взорвёт лабораторию».

Она перелистнула дальше. Вот девица с острым лицом и злым прищуром. Тоня пригляделась — и на мгновение замерла. Что-то знакомое мелькнуло в чертах: светлые волосы, разрез глаз, скулы. Как у неё самой. Как у Киры. «И кто это у нас?» — подумала Тоня, но ответа не нашла.

Вот холёный мужчина лет пятидесяти. И тут сходство ударило в глаза сразу: те же брови, тот же овал лица, только мужской, жёсткий, с сединой на висках. Родственник. Близкий родственник. Дядя, наверное. Влас, как его назвал князь.

Тоня вернулась к предыдущему портрету, к той острой девице. Теперь, зная, как выглядит дядя, она увидела то, что не заметила сначала: те же брови, тот же разрез глаз, те же скулы, только женские, словно их перекроили по более хитрой выкройке. Кузина Изольда, не иначе. Видала Тоня таких гадин и раньше — в университете, в архиве, в очередях за колбасой, — но эта по выражению лица казалась круче всех. На любую тварину свой мелок «Алёнка» найдётся, подумала она и смахнула портрет. Фотографии родственников испортили настроение.

Попробовала вызвать князя — коснулась его лица, шар завибрировал, но никто не ответил. Видимо, уже спал.

Тоня отложила ракушку на тумбочку, рядом с кроватью. Потом вспомнила, что в этом шаре есть ещё и Сферум — та самая местная соцсеть. Покрутила, понажимала, ткнула в иконку наугад. Перед глазами поплыли картинки. Еда. Много еды. Тоня сглотнула, но решила не отвлекаться. Провела пальцем дальше — фотки самой Киры. Вот она в обтягивающем платье, выгнувшись перед зеркалом. Вот с подружками, все делают одинаковые лица — губы бантиком, глаза в пол. Вот крупным планом эти самые губы, сложенные в трубочку.

Кое-где рядом с картинками попадались крохотные кляксы причудливой формы — круглые, с точками, с чёрточками. Тоня пригляделась и чуть не хмыкнула. Рожицы. Самые настоящие рожицы, какие она сотни раз видела в телефоне. Только здесь они были не пиксельные, а словно нарисованные тушью.

— И тут без этого не обошлось, — пробормотала она. — Смайлы, блин. Или как их тут ушмешливые кляксы?

Она пролистала ещё. Кира с букетом, Кира в ресторане, Кира с бокалом. Везде одна и та же поза, один и тот же угол. На одном снимке она держала табличку с надписью — Тоня не разобрала, но по рожицам внизу поняла: что-то про «лайк» и «подписка».

— Господи, — прошептала она, разглядывая чужое лицо. — И как с этим жить? Ты же не человек была, а рекламный щит. Или кукла.

Она смахнула картинку, и на экране появилось видео. Кира сидела перед камерой, что-то говорила, улыбалась, поправляла волосы. Голос тонкий, сюсюкающий. Тоня послушала полминуты и отключила.

— Ну и голосок, — сказала она, передёрнув плечами. — Сама себя слышишь, не боишься?

Она ещё полистала, но ничего умного или ценного не нашла. Всё та же чухня, что и на Земле: еда, цветы, своё лицо в разных ракурсах. Кира фотографировала всё подряд, но главным объектом была она сама. Тоня поймала себя на мысли, что рассматривает эти снимки как историк — с отвращением и интересом одновременно.

— Ай, — сказала она, откладывая ракушку на тумбочку. — Не могу больше. Хоть бы одно живое лицо. Хоть бы раз на кого-то другого посмотрела, кроме себя.

Она погасила свет, забралась под одеяло. В голове крутились лица, имена, картинки с тортами. И почему-то больше всего запомнилась уточка. Губы бантиком. И этот противный сюсюкающий голос.

— Ну, Маринка, — прошептала Тоня в темноту, — ты бы сейчас ржала. Я тут в чужом теле сижу, в чужом доме, книг читать не умею, зато смайлики различаю. Прогресс, блин.

Она повернулась на бок, уставилась в стену. Мысли потекли медленнее. В какой-то момент Тоня поняла, что уже не разбирает, где князь, где профессор, а где тот парень с вокзала, который смотрел на неё с надеждой.

— Ладно, — сказала она себе. — Утро вечера мудренее. А я, между прочим, историк. Я тридцать лет в архивах просидела. Я людей насквозь вижу. И уж какую-то там роль дуры я точно сыграю. Тем более что теперь я в ней не одинока.

Утро ворвалось в комнату солнечным светом и вибрацией.

Тоня подскочила, не сразу сообразив, где она. Вибрация — шар! Она схватила ракушку, едва не уронив её, и коснулась сферы дрожащими пальцами.

— Принять!

Внутри появилось лицо князя. Спокойное, свежее, будто не спал всю ночь.

— Кира Петровна, доброе утро. — Голос ровный, без намёка на то, что он заметил её помятое лицо. — Напоминаю: сбор совета в полдень. Я заеду за вами в одиннадцать. Будьте готовы.

— Буду, — выдохнула Тоня. Голос прозвучал сипло.

Шар погас. Тоня откинулась на подушку, сжимая ракушку в руках. Сердце колотилось где-то в горле. В голове пронеслось: «Совет. Полдень. Одиннадцать. Успеть. Не облажаться. Вспомнить, кто есть кто. И не сказать, что ты на самом деле историк из России, которая просто хотела съездить на конференцию, а попала в чужое тело и теперь должна изображать наследницу заводов, которая к тому же не умеет читать».

В дверь постучала Меланья:

— Барышня, вставать пора. Завтрак стынет.

Тоня вздохнула и поднялась. За окном всюду светило солнце, и, кажется, даже птицы пели бодрее обычного.

— Иду, — отозвалась она, ставя ракушку на тумбочку и прикидывая, что сегодня наденет.

Корсет — само собой. Турнюр — куда без него. Туфли — те самые, коварные. И улыбку — самую дурацкую, какую только сможет изобразить. Сегодня ей предстояло не просто выжить, а сыграть главную роль в спектакле под названием «Кира Петровна Вересова возвращается домой». И зрители будут судить строго. А она, главное, будет молчать и улыбаться. Потому что читать всё равно не умеет.

ГЛАВА 5. Пауки выползли

В библиотеке пахло старыми книгами, пылью и тишиной. Тоня сидела в кресле, уткнувшись в раскрытый фолиант, и смотрела на буквы, как баран на новые ворота. Закорючки как закорючки — хоть убей, ни одной знакомой. Она вздохнула, перевернула страницу — картинка с паровозом, красиво, но бесполезно.

В коридоре грохнула дверь, затопали шаги, и в библиотеку влетела Меланья. Красная, злая, руками машет, передник сбился набок, платок съехал на затылок.

— Барышня! Там эти... дядюшка ваш с кузиной! Я им говорю — не принимаете, а они прут, будто к себе домой! — Меланья перевела дух и сплюнула в сторону. — Лучше гадюку в сёстры, чем эти родные, вот вам крест! Ей-богу, этих бы ворота не пускали, так нет же, лезут!

Тоня отложила книгу. Внутри всё подобралось, сердце забилось где-то в горле. Вспомнила вчерашний список в шаре — эти двое с портретиков, такие красивые и такие явно недоброжелательные. Взгляд профессионального историка, привыкшего разбирать мотивы людей по документам, мгновенно выстроил цепочку: приехали сразу после её появления, прорываются без приглашения, дядя обнимается как ни в чём не бывало. Значит, хотят проверить, жива ли наследница. Или, точнее, в каком она состоянии. А если нет — тем лучше. Прямо как её родная сестра, которая явилась квартиру отжимать, только здесь масштаб другой. Заводы. Целое состояние. И желание обобрать возведённое в степень.

— Ладно, Меланья, — сказала она, поднимаясь. Поправила домашнее платье — без корсета, и ладно, не на бал собралась, — и пошла в гостиную. — Встретим гостей.

Шла она медленно, специально не торопилась. Пусть подождут. Пока шла, мысленно перебирала вчерашние картинки: дядька холёный, перстни на пальцах, улыбка до ушей, но глаза холодные, бегают по сторонам, всё сканируют. Кузина — вырядилась, как на светский раут, но рожа кислая, будто лимон съела. «Ну-ну, — подумала Тоня, — посмотрим, кто кого».

Она переступила порог гостиной и сразу поняла: не видь она их в шаре, всё равно бы не ошиблась. Даже без зеркал было заметно фамильное сходство. Родственники, а это точно были они, те самые, уже расселись в креслах, как у себя дома, и даже чай себе налили из сервиза, который Меланья для гостей выставяла. Влас развалился в кресле у окна, ногу на ногу закинул, пальцы с перстнями на подлокотнике барабанят. Изольда сидела прямая, как палка, на самом краешке стула, будто боялась испачкать своё платье о мебель. При виде Тони Влас вскочил, раскинул руки, полез обниматься, и от него пахнуло дорогим одеколоном и чем-то ещё — сладким, приторным, как от перезревших фруктов.

— Кирочка! — голос у него оказался слащавый, текучий, как патока. — Живая! Родная! А мы уж думали — всё, не довезут! Слава богам, обошлось!

Тоня позволила себя обнять, похлопала по спине, отстранилась. Объятия были липкими, неприятными, как мокрая простыня. Изольда даже не встала, только процедила сквозь зубы, не скрывая злорадства:

— Выглядишь... неплохо. Для той, кого вчера вносили в вагон.

Тоня внутренне оскалилась. Ах ты ж сучка. Сразу видно — не спроста приехали, а проверить, как там наследничек, не помер ли ненароком. Но вслух удивлённо-сладко пропела, даже руками всплеснула:

— Ой, Изольдочка, а откуда ж ты знаешь, как и куда меня вносили? Ты же здесь, в Звениграде сидела, ворон считала, или нет?

Изольда поперхнулась. Лицо её, и без того острое, стало ещё острее — скулы выступили, глаза сузились. Влас быстро встал, заслонил собой дочь, заулыбался ещё шире:

— Нам князь рассказал! Конечно, мы же волновались, он и сообщил.

Тоня посмотрела на них обоих, улыбнулась ещё слаще, так что у самой скулы свело. Глаза дяди забегали быстрее, пальцы принялись нервно теревать перстни.

— А что ж тогда он мне не сказал, что уже успел с вами побеседовать? Мы с ним только что по шару говорили, он ни слова про вас не вставил.

Влас с Изольдой переглянулись. Повисла пауза такая густая, что хоть ножом режь. Тоня стояла, сложив руки на животе, и смотрела на них с самым невинным видом, на какой была способна. Мысленно потирала руки: попались, клопы архивные.

— Ну... мы сразу, как узнали, что ты очнулась, ну то есть приехала, — залепетал Влас, поправляя воротник. — Не могли не навесить! Долг, знаешь ли, семейный...

— Да-да, конечно, — кивнула Тоня, мысленно отметив оговорку дяди: «очнулась». Значит, знали, что Кира была без сознания. Похоже, они к этому обмороку руку приложили — дряни какой в питье подлили? — Как трогательно. Прямо слеза прошибает.

Изольда снова вякнула, не удержалась. Видно, язык чесался:

— Ты ж на совет-то сегодня собираешься? Не опозорься там, а то папенькино дело в чужие руки уплывёт. Глядишь, и без наследства останешься.

Тоня посмотрела на неё долгим взглядом, так что Изольда поёжилась и отвернулась. Тогда Тоня улыбнулась одними губами, той улыбкой, которой в её прошлой жизни улыбались женщины в очередях перед закрытой дверью с табличкой «товаров нет».

— Ой, Изольдочка, не волнуйся. Уж как-нибудь не хуже тебя справлюсь. Я в делах отцовских покопаюсь, книжки читаю — глядишь, и выйдет толк. А ты пока наряды меняй, они у тебя, я смотрю, всегда в порядке.

Изольда покраснела, открыла рот, но Влас дёрнул её за рукав так, что кружева затрещали. Тоня заметила, как побелели его пальцы, сжимающие ткань. «Ага, — подумала она, — не всё гладко в датском королевстве. Может, и не вместе они приехали, а каждый со своим интересом».

— Ну что ты, Кирочка, мы ж тебе добра желаем! — зачастил Влас, снова надевая маску добродушного дядюшки. — Если что — мы всегда рядом, поможем, подскажем... Ты только не стесняйся, обращайся.

— Обязательно, — кивнула Тоня, стараясь, чтобы голос звучал искренне. «Вот уж ни за что».

Она вздохнула, глянула на часы. На камине стояли массивные, с маятником, с бронзовыми стрелками и римскими цифрами, которые она с трудом, но разбирала. Половина одиннадцатого. Скоро князь. Отлично.

— Ой, дядя, мне ж собираться надо! — всплеснула она руками, изображая панику. — На совет, вы ж понимаете. Князь сейчас заедет, а я ещё не одета, не причесана, не готова...

Дядька тут оживился, словно только и ждал этого момента. Глаза загорелись, он даже подался вперёд всем телом.

— Так я тебя могу подвезти! Нам тоже туда надо, я как раз по делам. Вместе и поедем, по пути поболтаем, вспомним старину...

Тоня посмотрела на него, на Изольду, которая уже вся извелась от злости, на их одинаковые, такие похожие на Кирины лица, и выдала с той самой интонацией, от которой у нормального человека зубы сводило, а в девяностых такие тётки очередью из «калашникова» брали:

— Ой, дядя, ну что вы. Нам с возможным женихом надо побыть наедине, дела обсудить, а вы там будете... — она сделала паузу, обвела их взглядом, — ну совершенно лишним. Неловко же. Вы уж простите, но как-нибудь в другой раз.

Влас замаялся. Пальцы его снова забегали по перстням. Изольда дёрнулась, но он придержал её за локоть, не давая вскочить.

— Ну... как знаешь, Кирочка. Мы тогда пойдём. До скорого, значит. — Он поднялся, поправил сюртук, одёрнул манжеты. — На совете увидимся.

— Конечно-конечно, — Тоня закивала, провожая их к двери. — Всегда рада. Приходите в любое время. Только, может, предупреждать будете? А то мы тут с Меланьей не всегда готовы принимать.

Она сказала это таким тоном, что «не всегда готовы» прозвучало как «никогда не готовы». Влас сделал вид, что не понял, поклонился, Изольда прошипела что-то сквозь зубы, и они вышли.

Тоня стояла в дверях, пока карета не скрылась за воротами, и всё махала рукой с улыбкой до ушей. Махала даже тогда, когда от экипажа осталась только пыль на дороге. Потом вернулась в гостиную, плюхнулась в кресло и расхохоталась. Смеялась она долго, до слёз, утирая глаза краем рукава.

Меланья выглянула из-за двери, сначала осторожно, потом смелее, подошла ближе.

— Ну что, барышня? — спросила она, присаживаясь на краешек стула.

— А то, Меланья, — Тоня вытерла слёзы, снова хихикнула. — Что права ты была. Гадюки, а не родственники. Но я им сегодня хвост прищемила. Обоим.

— И как? — Меланья подала ей чашку с остывшим чаем.

— Да так, что они, кажется, забыли, зачем приезжали. Дядя три раза облизнулся, когда я про жениха сказала, а кухня аж позеленела. — Тоня отпила чай, поморщилась — холодный. — Только ты, Меланья, не расслабляйся. Эти гадюки любой гадине фору дадут, и могут огрызнуться в ответ, если мы глаз не будем держать открытым.

Меланья кивнула, поднялась, засуетилась:

— Я сейчас чай свежий принесу, барышня. А потом одеваться надо, князь скоро будет.

— Давай, — Тоня отставила чашку. — Только не долго, а то я ещё эти буквы в библиотеке хотела... — она махнула рукой. — Ладно, потом.

Меланья выпорхнула, и Тоня осталась одна. Она подошла к окну, посмотрела на пустую улицу, на пыльную дорогу, на старые деревья. День разгорался, солнце поднялось выше, тени от яблонь стали короче. Где-то в городе гудел паровоз, Наверное, подавал сигнал к отправлению.

— Ну, Маринка, — прошептала она, — первый раунд я выиграла. Эти двое ушли с пустыми руками и с вопросами, на которые им отвечать не хочется. Теперь бы ещё совет не провалить.

Она ещё постояла у окна, глядя, как ветер шевелит листву, как по дороге проезжает редкий экипаж. Вспомнила, как сестра с племянником явились к ней в прошлой жизни — с такими же лицами, такими же приторными улыбками. Только тогда речь шла о двушке в центре, а здесь — о заводах, о наследстве, о том, что стоило десятилетиями копили и строили. Желание обогнать ближнего, оказывается, не зависит от масштаба. Просто чем больше, тем улыбки шире и зубы острее.

Через полчаса, затянутая в корсет, Тоня стояла перед открытым шкафом. Меланья, заглянувшая помочь, уже выложила на кровать целую гору платьев.

— Вот, барышня, это из столицы привезли, самое модное, — щебетала она, расправляя складки ярко-голубого платья с турнюром, оборками и бантами. — В таком на совет самое то, все ахнут. И розовое есть, и зелёное с вышивкой...

Тоня посмотрела на голубое. Такие наряды она видела на фотках Киры в Сферуме — модные, яркие, с подушкой на спине. И на всех этих фотках Кира делала одну и ту же уточку, складывала губы бантиком, смотрела в камеру пустыми глазами. Дура в модном платье — это та самая Кира, которую все ждут. И это была бы идеальная тактика: явиться в совет в таком наряде, подтвердить репутацию дуры, усыпить бдительность...

Она уже протянула руку, чтобы взять голубое, и вдруг замерла.

Взгляд упал на дальний угол шкафа, где висело тёмно-вишнёвое платье из тяжёлого шёлка, с высоким воротом и длинными рукавами. Без турнюра. Простое, строгое, старомодное.

— А это? — спросила она, кивнув в угол.

Меланья проследила за её взглядом и всплеснула руками:

— Барышня, это же маменьки ваше платье. Старое уже, немодное. Вон какое красивое...

— Покажи, — перебила Тоня.

Меланья неохотно сняла платье с вешалки. Ткань оказалась тяжёлой, прохладной, на ощупь — дорогой, хоть и не новой. Тоня приложила его к себе, посмотрела в зеркало. В этом платье не было ни бантов, ни оборок, ни дурацкой подушки на спине. Оно падало прямыми складками, скрывая то, что надо, и не выставляя напоказ то, что не надо. В зеркале отражалась не модница из столицы, а дочь промышленника — строгая, серьёзная. Та, кто может разбираться в делах. Та, кто провела утро в библиотеке.

Тоня вдруг поняла: если она выйдет в модном наряде, совет увидит Киру — ту самую, которую все знают. Дурную блогершу, которая только и умеет, что строить глазки. И это, конечно, хорошая тактика. Но если она выйдет в этом, старомодном, строгом — они увидят наследницу. Ту, которая не зря провела утро в библиотеке. Ту, которая, может быть, не так проста, как кажется. А наследнице, между прочим, положено разбираться в делах. Даже если она понятия не имеет, что там написано в отцовских бумагах.

— Это, — сказала она, отодвигая голубое платье. — Примеряем.

Меланья вздохнула, но спорить не стала. Корсет зашнуровали, платье село отлично. Тоня повертелась перед зеркалом — удобно, не жмёт, дышать можно.

— А турнюр? — спросила Меланья с надеждой.

— А турнюр пусть в шкафу пылится, — отрезала Тоня. — Не маленькая уже, чтобы жопой вертеть.

Меланья хихикнула, прикрывая рот ладонью, и больше не возражала.

Тоня осталась довольна. В зеркале отражалась не Кира-уточка, а женщина, с которой будут говорить серьёзно. Даже если она сама не понимает, что ей говорят.

Она села в гостиной, крутя в руках сфер-шар, и повторяла про себя, как мантру: Степан Ильич — зелёный, магистр Инесса — жёлтый, Аристарх Викторович — красный. Запомнить. Не перепутать. И не ляпнуть лишнего. А что не умеет читать — это даже хорошо. Дуракам и положено в книжки не смотреть.

За окном стукнули копыта, закрипели колёса. Тоня выглянула — экипаж князя подъезжал к крыльцу.

— Ну, Маринка, — прошептала она, пряча шар в карман, — держись. Сейчас начнётся.

Она поднялась, одёрнула платье, проверила декольте, пригладила волосы. В зеркале напротив отражалась молодая женщина в строгом тёмно-вишнёвом платье. Чужая, но уже почти привычная. Тоня подмигнула своему отражению, усмехнулась и пошла к двери..

ГЛАВА 6. Первое заседание

Здание Наблюдательного совета оказалось старым, но внушительным — тёмный камень, высокие окна, тяжёлая дубовая дверь с бронзовыми ручками, на которых красовались львиные морды. Тоня, глядя на них, подумала, что даже дверь здесь выглядит так, будто собирается кого-то сожрать. Внутри пахло бумагой, чернилами и тем самым неуловимым озоном, который она уже заметила на вокзале — видимо, магия тут присутствовала не только в сфер-шарах, но и в освещении, и ещё в чём-то, что щекотало ноздри.

Князь вёл её по длинному коридору, где портреты строгих мужчин в рамках сменялись дверями с табличками. Тоня на таблички старалась не смотреть — буквы всё равно не разберёт, только расстраиваться. И так настроение ни к чёрту, а тут ещё собственное невежество напоминает о себе на каждом шагу.

— Держитесь спокойно, — негромко бросил князь, не оборачиваясь. — Они не верят в вас. Для них вы — дура, которая должна выбрать мужа. Не лезьте в умные разговоры, не спорьте. Ваша задача — выглядеть милой и немного растерянной.

Тоня кивнула. Внутри всё дрожало, но она тридцать лет в архивах просидела, видала и не такие комиссии. Правда, там хоть буквы знала, а тут... Тьфу, чёрт с ними, с буквами. Она и так справится. Дура, так дура. Она к этой роли уже почти привыкла.

Коридор закончился, и князь придержал для неё дверь. Тоня переступила порог, чувствуя, как под ногами глухо стукнули каблуки по тёмному паркету.

В зале заседаний стоял длинный стол, за которым сидели пятеро. Тоня скользнула взглядом, мысленно навешивая на каждого ярлычок, как в архиве на папку с делом. Князь говорил — запоминай. Она и запоминала.

Граф Воронцов-Зарецкий, председатель. Седой, уставший, но глаза добрые, смотрит без осуждения. Таким в университете профессора бывают — те, которые студентов на пересдачу не велят, а пытаются понять, почему тот не выучил. Тоня мысленно отметила: зелёный. Безопасный.

Степан Ильич, инженер. Кряжистый, в рабочей одежде, не в сюртуке, как остальные. Борода лопатой, руки на столе — широкие, в мозолях. Смотрит оценивающе, но без злобы. Тоже зелёный, пожалуй. Или жёлтый, но со знаком плюс.

Магистр Инесса. Молодая, строгая, в тёмном платье с высоким воротником. Смотрит с любопытством, прищурившись, как кошка, которая разглядывает новую игрушку и ещё не решила, стоит ли с ней играть. Жёлтый. Будь осторожна, но не бойся.

Аристарх Викторович, управляющий логистикой. Гладкий, холёный, улыбается до ушей, но глаза холодные, бегают по сторонам, сканируют, оценивают. Руки лежат на столе расслабленно, но пальцы чуть заметно постукивают по столешнице. Тоня сразу узнала этот типаж. Такие в девяностых с улыбкой отжимали квартиры у старух. Красный. Главная опасность.

Пятый, представитель торговой гильдии. Незаметный, в сером, почти сливается со стеной. Сидит тихо, не отвечивает. Тоня решила пока держать его в серой зоне — пусть будет фоном.

В углу, сложив руки на груди, сидел дядя Влас. Тоня мельком глянула на него: приехал раньше, хотя они с князем не мешкали. Интересно, как он умудрился? Лошадей, наверное, загнал, только пыль столбом. Рожа постная, но в глазах — предвкушение. Сейчас, мол, посмотрим, как племянница опозорится. А когда разглядел её платье, в глазах мелькнула искорка недоумения. Тоня даже не сразу поняла, в чём дело, а потом сообразила — она пришла не в модном наряде, как ожидалось, а в старом, строгом, маменькином. Дядя явно растерялся. Но быстро взял себя в руки, и лицо снова приняло постное выражение.

Князь чуть подтолкнул Тоню к столу, сам сел чуть поодаль. Не член совета, так, сопровождающее лицо. Тоня поймала себя на мысли, что князь в этой роли чувствует себя так же неловко, как она — в роли дуры. Но виду не показывает.

Граф поднялся. Произнёс положенные слова: соболезнования по случаю смерти отца, надежда, что дочь продолжит его дело. Тоня кивала с подобающим скорбным видом, опустив глаза, и краем глаза следила за остальными. Аристарх Викторович разглядывал её, как удав кролика, — медленно, с прищуром, словно прикидывал, с какого бока удобнее начать. Степан Ильич хмыкал в усы, покручивая бороду. Магистр Инесса с любопытством склонила голову, и Тоня поймала её взгляд — в нём не читалось осуждения, скорее вопрос: «И что ты, девочка, собираешься делать?»

— Итак, Кира Петровна, — граф сел и посмотрел на неё поверх очков. Очки сидели на самом кончике носа, и Тоня почему-то вспомнила профессора Яра. — Время идёт. Вы ознакомились с кандидатами? Есть ли у вас предпочтения?

Все уставились на неё. Дядя Влас в углу довольно улыбнулся, даже подался вперёд. Они ждали, что она сейчас начнёт мямлить про женихов, краснеть, опускать глаза, выбирать побогаче, попримличнее. Для них она оставалась просто сосудом, который должен выбрать мужа-руководителя. О втором пути — самостоятельном управлении — даже не вспомнили. Тоня мысленно усмехнулась. А вот отец, видимо, оказался умнее, чем о нём думают.

Она глубоко вздохнула — насколько позволял корсет. В голове мелькнуло: «Ну, Маринка, держись. Сейчас я им устрою цирк. Только цирк будет не с клоунами, а с серьёзными дядями в сюртуках».

— Я понимаю, что должна сделать выбор, — сказала она спокойно, чётко выговаривая слова, как учили на защите диссертации. — Но прежде чем решать, с кем связать жизнь, хочу понять, что я вообще получаю в наследство. В завещании отца есть и другой путь — самостоятельное управление. С вашего позволения, я бы хотела ознакомиться с документами и посмотреть производство. Чтобы знать, за что берусь.

Тишина стала такой плотной, что её можно резать ножом.

Члены совета переглянулись. Граф поднял бровь, и очки чуть не слетели с носа. Аристарх Викторович приоткрыл рот и забыл его закрыть — в первый раз за всё время Тоня увидела его без дежурной улыбки. Инженер Степан Ильич смотрел с недоумением, будто впервые видел эту девушку. Магистр Инесса — с живым, неподдельным интересом, даже глаза загорелись. А дядя Влас в углу перестал улыбаться и подался вперёд, вцепившись в подлокотники кресла.

Тоня сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на них с самым невинным видом, на какой была способна. Внутри же всё дрожало, но она напоминала себе: дура — это тактика. Главное — не переиграть.

Аристарх Викторович пришёл в себя первым. Улыбка снова натянулась на лицо, но теперь в ней чувствовалась фальшь, как в дешёвом вине.

— Кира Петровна, простите моё любопытство, — заворковал он, наклоняясь вперёд. — Но вы никогда не интересовались делами отца. С чего вдруг такое рвение? Не проще ли довериться одному из уважаемых кандидатов? Их ваш отец выбрал, люди проверенные, надёжные...

Тоня посмотрела на него прямо. Вспомнила тётку из соседнего отдела, которая точно так же улыбалась, когда хотела подсесть. Та же гладкая кожа, те же бегающие глазки, та же сладкая отравка в голосе.

— Аристарх Викторович, я, может, и не интересовалась, но и полной дурой не была. — Голос прозвучал ровно, но с той самой язвинкой, от которой в девяностых такие вот тётки очередь из «калашникова» брали. — Хочу сама посмотреть, что к чему. Чтобы потом, не дай боги, не прогадать с выбором. Вы же не хотите, чтоб я ошиблась? Вдруг выберу не того, кто действительно нужен делу?

Позади неё раздался сдавленный выдох. Князь подавился воздухом. Тоня мысленно усмехнулась: он-то точно знал, какой дурой была Кира, и сейчас, наверное, пытался понять, то ли это продолжение спектакля, то ли у неё действительно крыша поехала. Но промолчал.

Аристарх Викторович моргнул. Первым. И отвёл взгляд.

Граф кашлянул, привлекая внимание.

— Хм... Кира Петровна, это... неожиданно. — Он снял очки, протёр стёкла, снова надел. — Но в завещании вашего отца действительно существует такая возможность. Если вы настаиваете...

— А пусть посмотрит, — неожиданно подал голос Степан Ильич, откидываясь на спинку стула. — Дело хозяйское. Я могу показать заводы, объяснить, что к чему. Лишним не будет.

В его голосе не слышалось насмешки — скорее любопытство. И ещё что-то, похожее на надежду. Тоня кивнула ему благодарно.

Дядя Влас не выдержал. Он вскочил с места, едва не опрокинув стул.

— Это всё пустая трата времени! — выпалил он, размахивая руками. — Она должна выбирать жениха, а не в бумагах копаться! Что она понимает в делах? Девчонка! Ей бы замуж, детей рожать, а не...

Граф строго посмотрел на него, и голос его прозвучал твёрдо, без тени добродушия:

— Влас Ильич, вы здесь наблюдатель. Не мешайте.

Дядя замолчал, но сверлил Тоню взглядом, полным злобы. Та сделала вид, что не заметила. «Ничего, — подумала она, — мы ещё посмотрим».

Магистр Инесса подала голос, и Тоня удивилась — она думала, эта молодая женщина будет молчать, как и тот, серый, в углу.

— Можно, я тоже кое-что уточню? — спросила она, чуть склонив голову. — Профессор Яр рассказывал, что вы ему тут, походя, идею интересную подали. Про угол атаки. Он после этого из лаборатории не вылезает.

Тоня скромно опустила глаза, изображая стеснение. Внутри же она ликовала: новость уже разлетелась. Значит, её заметили. Значит, не зря она тогда ляпнула про угол атаки.

— Просто мысль пришла, — сказала она тихо. — Ярослав Ильич сам гений, ему только подсказки.

Магистр Инесса чуть прищурилась, словно взвешивала услышанное. Она явно ожидала чего-то другого — может, гордого подтверждения своей гениальности, может, подробного объяснения. А тут — «просто мысль пришла». Так отвечают либо те, кто действительно случайно наткнулся на решение, либо те, кто не хочет раскрывать карты. Магистр задумчиво кивнула, но взгляд стал ещё пристальнее.

Граф подвёл итог, и голос его звучал уже не удивлённо, а задумчиво:

— Что ж, Кира Петровна, вы нас удивили. — Он помолчал, подбирая слова, и Тоня заметила, как переглянулись члены совета. — Хорошо, мы дадим вам месяц на ознакомление. Либо вы за этот месяц покажете, что способны вникнуть в дела и управлять, либо — выбираете жениха и начинаете готовиться к свадьбе. Третьего не дано. Решайте.

Тоня кивнула, стараясь не выдать облегчения. Месяц. Целый месяц. Это не вечность, но хотя бы что-то.

— Я поняла. Я постараюсь доказать, что могу.

Члены совета зашевелились, засобирались. Степан Ильич подошёл к Тоне, протянул широкую, мозолистую ладонь.

— Заходите на заводы, Кира Петровна. Покажу всё, что есть. Посмотрите, как работаем, поговорите с мастерами.

— Спасибо, Степан Ильич, — искренне сказала Тоня. — Обязательно приду.

Аристарх Викторович задержался, подошёл к Тоне с той же елейной улыбкой, от которой у неё засосало под ложечкой.

— Надеюсь, вы оправдаете наши ожидания, Кира Петровна. — Он чуть склонил голову, и Тоня увидела, как блеснули его глаза.

— Постараюсь, — улыбнулась она в ответ.

Внутри же подумала: «Ага, сейчас. Бегу и падаю».

Князь подхватил её под локоток и вывел в коридор. Только там Тоня позволила себе выдохнуть. Ноги дрожали, в висках стучало, а корсет, казалось, сжался на пару размеров.

В экипаже она откинулась на сиденье, прикрыла глаза. Голова кружилась, но не от страха — от облегчения.

— Вы их удивили, — сказал князь. В голосе — лёд пополам с интересом. — Они не знают, что думать. Это хорошо. Плохо, что теперь за вами будут следить.

— Пусть следят, — буркнула Тоня, не открывая глаз. — Мне прятаться нечего. Я правда хочу разобраться.

— А вы разберётесь? — В голосе князя послышалось сомнение.

Тоня открыла глаза, посмотрела на него. В узких окнах экипажа мелькали улицы Звениграда, и солнце било прямо в лицо, заставляя щуриться.

— Посмотрим, — сказала она. — Месяц — это не вечность, но хоть что-то.

Экипаж подъехал к особняку. Тоня выбралась наружу, на каблучках, держась за князя. У крыльца стояла Меланья, и лицо у неё было такое, будто она съела лимон и не поняла, вкусно или нет.

— Барышня! Ну как?

Тоня усмехнулась, поправляя платье.

— Месяц, Меланья. Либо покажу себя, либо замуж.

Меланья всплеснула руками:

— Ой, барышня, да вы ж справитесь! Я в вас верю.

— Посмотрим, — Тоня шагнула в дом. — А сейчас тащи всё из кабинета отца. Бумаги, отчёты, всё, что есть.

— Сию минуту, барышня! Я ещё принесу, там много.

Меланья убежала. Тоня поднялась к себе, с трудом расстегнула платье, стянула его через голову — корсет, чтоб его, впивался в рёбра, не давая дышать. Сбросила и его, наконец вдохнула полной грудью. Натянула халат, плюхнулась в кресло. Платье матери осталось висеть на спинке стула — тёмно-вишнёвое, строгое, такое неожиданно-правильное для этого совета.

За окном медленно плыли облака, задевая верхушки старых лип. В саду кто-то перекликался с соседями, где-то вдалеке лаяла собака. День тянулся к вечеру, и тишина в доме стояла такая, что слышно было, как скрипят половицы под ногами Меланьи.

В дверь постучали, и экономка втащила кипу бумаг — стопка папок, папок, листов, исписанных мелким, чужим почерком. Поставила на стол, выдохнула.

— Вот, барышня. Я ещё принесу, в кабинете много.

— Спасибо, Меланья. Оставь. Я... посмотрю.

Меланья вышла. Тоня уставилась на бумаги. Закорючки, завитки, чёрточки. Ни одной знакомой буквы. Она по-прежнему не разбирала ничего, и никакое чудесное пробуждение памяти тела не помогало.

Она взяла верхнюю папку, открыла. Буквы плясали перед глазами, не желая складываться в слова. Тоня вздохнула, закрыла папку, положила на колени. Посмотрела в окно.

— Войничка, — сказала она себе, — за сто лет не прочитали. А ты за месяц хочешь? Дура. Настоящая дура.

Она усмехнулась собственной глупости. Усмехнулась и взяла следующую папку. Открыла. Всмотрелась в строчки. Одна буква показалась знакомой. Или нет. Тоня прищурилась, пытаясь уловить сходство. Ничего. Чужие знаки, чужой мир, чужая жизнь.

Она отложила папку, подошла к окну. Солнце клонилось к закату, от деревьев на дорожках лежали длинные синие тени. Где-то за оградой хлопнула калитка, послышались голоса — соседи возвращались с прогулки. Обычный вечер в обычном городе. Только она здесь чужая.

Тоня вернулась к столу, села, положила перед собой самую тонкую папку. Открыла. Буквы — как чужие, непонятные. Но она смотрела. Потому что надо. Потому что месяц. Потому что если она не научится читать — всё пропало.

— Ничего, — сказала она себе. — Будем смотреть картинки. Как в библиотеке. Может, со временем что-то прояснится. А пока — буду делать вид, что читаю. Для дуры и это сойдёт.

Она провела пальцем по строчке, пытаясь запомнить хотя бы одну букву. Бесполезно. Но она пробовала снова. И снова. И снова.

ГЛАВА 7. Бумаги и неожиданный гость

В кабинете отца пахло старыми книгами, табаком и ещё чем-то неуловимо мужским — кожей, наверное, или дорогим одеколоном, который за долгие годы вьелся в стены, как запах кофе в советскую кухню. Тоня сидела в огромном кожаном кресле, заваленном бумагами, и смотрела на стопки документов с чувством глубокой обречённости. Кресло, кстати, удобное — таким, в котором можно и работать, и спать, и помирать со скуки, и даже, наверное, рожать, если очень приспичит. Кожа старая, потрескавшаяся, но мягкая, и она приятно похрустывала при каждом движении, словно кресло рассказывало свои собственные истории.

За окном медленно плыли облака, задевая верхушки старых лип. Солнце светило в окно, и пылинки танцевали в его лучах, как мотыльки на летнем лугу. Где-то в саду перекликались птицы, и их щебетание смешивалось с далёким лаем собаки и стуком колёс проезжавшего экипажа. Тоня вздохнула, снаружи свежесть, лето, а здесь пахло... Как пахнет только в кабинетах старых профессоров, которые курили трубку и не открывали окна годами.

Всё было хорошо и замечательно, если бы не чужие буквы. Те же закорючки, что на визитке князя, что на вывесках по дороге, что в книге, которую она вчера листала в библиотеке. И хоть убей — ни одной знакомой. Память тела, вопреки всем романам Маринки, упорно отказывалась делиться знаниями Киры. И Тоне оставалось перебирать страницы. Каждая как китайская грамота — красиво, но бесполезно.

— Твою ж дивизию, — прошептала она, проводя рукой по лицу. Пальцы пахли бумагой и чернилами, а ещё почему-то ванилью — наверное, от печенья, что Меланья ставила на стол с чаем. — И как тут разбираться? Что ж за тарабарщину они тут придумали, что не понять, не расшифровать! Нет, чтобы что-то попроще, или более знакомое.

Женщина откинулась на спинку кресла, запрокидывая голову, и кожа снова скрипнула, в этот раз словно выражая солидарность. Потолок кабинета высокий, с лепниной — амурчики, цветочки, какие-то завитушки. Неожиданно подумалось, что, если долго смотреть на эту лепнину, можно свихнуться быстрее, чем от местных букв.

В дверь постучали и заглянула экономка. С подносом, на котором дымился чайник, гордо возвышалась тарелка со свежими пирожками, вместо сахара маленькая вазочка с мёдом. Мёд тёмный, густой, пах травами и почему-то дымом.

— Я чай принесла, барышня. И пирожки. Вы ж с утра не евши, только кофе хлебали. А кофе — он не еда, он так, баловство.

— Да, да, спасибо, Меланья. — Тоня отодвинула бумаги, освобождая место на столе. — Ты садись. Посиди со мной, а то я тут одна с этими — она кивнула на стопки, — скоро выть начну. Или, того хуже, заговорю с ними.

От Тони не укрылось удивление, проскользнувшее по лицу женщины. Конечно же, барышня впервые зовёт экономку в компаньонки, есть от чего обалдеть. Но та послушно присела на краешек стула, сложив руки на коленях. Тёмное в мелкий цветочек платье, передник ослепительно белый, на голове — платок, завязанный узлом на затылке. Мило, по-домашнему, по-домашнему.

— Меланья, — Тоня помяла кружку в руках, подбирая слова. Кружка тёплая, с шершавой глазурью, и пахла мятой. — Что-то я себя переоценила. Глаза совсем устали, с непривычки. Столько бумаг за раз — не продохнуть, рябит всё. Поможешь мне, а? Почитаешь вслух, а я буду слушать и запоминать? Без тебя я сейчас не справлюсь. Одна я сама до вечера больше ни строчки не одолею, и останемся мы без наследства: ты без работы, а я без дома.

Тоня замолчала и только тут, когда вопрос уже вылетел, осознала, во что вляпалась. В голове похолодело, а потом жарко запульсировало: «А ты вообще читать умеешь?» Вопрос,

который надо было задать раньше. Гораздо раньше. Например, до того, как вообще открывать рот.

Внутри всё оборвалось. Она представила, как Меланья сейчас смутится, опустит глаза, признается, что не обучена. И что тогда? Искать другого чтеца? Князя? Профессора? Демида? Кому она может довериться? Никому. Любая просьба о помощи — это лишние вопросы, лишние подозрения. А если князь узнает, что она не умеет читать? Он и так уже подозревает неладное. А тут такое — наследница заводов не может прочитать отчёты. Конец спектаклю.

Тоня лихорадочно прокручивала варианты, как будет выкручиваться. Притвориться, что пошутила? Сказать, что передумала? Но Меланья уже смотрит на неё, ждёт. Молчание затягивается. Каждая секунда — как вечность.

«Переспрашивать — оскорблять, — поняла Тоня. — Скажу сейчас: "А ты грамотная?" — и экономка решит, что я её за дуру держу. Что я, как те столичные штучки, смотрю на неё свысока. Обидится, замкнётся, и тогда точно ничего не вытянешь. Придётся рискнуть. Будь что будет».

Она внутренне сжалась в комок, приготовилась к самому плохому.

Но к её огромному облегчению — которое она постаралась скрыть за маской спокойствия, — экономка не просто кивнула. На её лице расцвела гордость. Выпрямилась, расправила плечи, даже платок поправила.

— Не извольте беспокоиться, барышня. Батюшка ваш, царствие ему небесное, сам меня обучил. — Голос зазвучал твёрже, почти торжественно. — Чтобы я ему помогала, бумаги разбирала. Не хотел чужих в делах своих, а свои — надёжнее.

Тоня мысленно выдохнула и тут же зашептала про себя: «Слава богу, слава богу, слава богу». Ещё секунда — и сердце выскочило бы из груди.

Экономка между тем продолжала, чуть смущаясь от собственной смелости:

— Я, барышня, хоть и не учёная, а читать-писать умею. Батюшка говорил: «Меланья, ты у меня золото, на тебе дом держится, так и грамота тебе не помеха». Обучал меня вечерами, когда дела утихали. Я и выучилась. Не шибко бойко, но читывала ему вслух не раз.

— Вот спасибо, Меланья, — выдохнула Тоня, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И батюшке моему отдельное спасибо. Видно, умнее он был, чем многие думали.

— Конечно, барышня, а вы не уж то сомневались. А что читать-то? С чего начнём?

— Давай с верхней стопки. — Тоня кивнула на самую высокую. — И поехали. Только медленно, я буду записывать.

Тоня поискала в столе и нашла почти пустой толстый ежедневник. На первых страницах — всё те же непонятные буквы местного языка, чьи-то записи, но дальше листы оказались чистыми. Отлично, можно писать. Рядом лежал карандаш — твёрдый, графитовый, с надписью на местном языке, которую Тоня, естественно, не разобрала. Но писал он хорошо, оставлял чёткие серые линии.

Меланья начала читать. Голос у неё низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой — наверное, от долгого молчания. Она читала медленно, но складно, иногда запинаясь на длинных словах и витиеватых оборотах, но тут же поправлялась и шла дальше. Тоня слушала, запоминала цифры, имена, даты.

Тоня с облегчением отметила, что даты и цифры она понимала — месяцы назывались знакомо, летоисчисление шло от Рождества Христова, а не от чего-то местного. С этим повезло.

— «Поставка угля в количестве двухсот пудов, срок — до пятнадцатого мая...» — читала экономка.

— Пудов? — переспросила Тоня, быстро строча в ежедневнике по-русски. — У них тут пуды? Ладно, бывает.

— «Согласно договору от третьего марта тысяча восемьсот восемьдесят пятого года...»

— Восемьсот восемьдесят пятого? — Тоня присвистнула. — Они что, в позапрошлом веке живут? Хотя да, по технике похоже.

Она писала, и карандаш тихо шуршал по бумаге. Буквы получались знакомые, родные, и от этого на душе становилось чуточку теплее.

Чем дальше, тем больше Тоня мрачнела. Долги, судебные тяжбы, сорванные поставки, неоплаченные счета — но ничего явно криминального. Обычная деловая рутина, просто в запущенном состоянии. Так сразу правду не найдёшь, придётся копать глубже. Но где бы взять таких людей, которые помогли бы, не вызывая подозрения?

— Меланья, а вот этот, — Тоня ткнула пальцем в имя, которое Меланья только что прочла, — Аристарх Викторович. Он часто с отцом дела вёл?

Экономка поморщилась так, будто съела недосолённый огурец, и даже передёрнула плечами:

— Этот... Ой, барышня, не любила я его. Глаза у него нехорошие. Всё улыбается, а сам как удав — смотрит и прикидывает, с какого бока удобнее укусить. Батюшка ваш с ним осторожно держался, хоть и дела вели. Приедет, бывало, сядет в это самое кресло, ногу на ногу, и молчит. А молчит — страшнее, чем говорит.

— Ещё один паукообразный, вид тарантул, — деловито хмыкнула Тоня, записывая имя крупными буквами и обводя его кружочком. — Ядовитый. Запомним.

Она быстро строчила дальше, фиксируя цифры, даты, имена. Информации много, и вся она лезла в голову, как в бездонную бочку — влезало, но не удерживалось. Правильно она решила записывать, хоть на русском. Закончив с очередной папкой, Тоня откинулась в кресле и потёрла виски.

Женщина заглянула через плечо, округлила глаза:

— Барышня, а это что за буквы? Я таких не знаю. Похоже на ворожбу какую-то.

— Шифр, — не моргнув глазом соврала Тоня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — В институте нас учили, чтобы никто чужой не прочитал. Важные заметки. А вы, Меланья, никому не говорите, ладно? Это секрет.

Экономка понимающе кивнула, прижав палец к губам. Тоня мысленно выдохнула — пронесло.

Через пару часов даже Меланья вошла в раж, начав вдруг комментировать прочитанное, вспоминая что-то о тех событиях или людях.

— Вот это, барышня, — женщина ткнула пальцем в один из листов, — это поставка для завода. Тут написано, что детали бракованные пришли, а оплату всё равно взяли. Кто взял? Аристарх Викторович и взял, его подпись.

— А подпись его ты знаешь?

— Знаю, барышня. У меня память на такие вещи хорошая. Он всегда одну закорючку ставит — как змея извивается.

Тоня записала и это. Хихикнула про себя: тарантул ядовитый, а пишет как змея — гад на гада всё равно гад.

Внизу хлопнула дверь. Экономка выглянула в окно, и лицо её расплылось в улыбке.

— Барышня, там Демид Фёдорович приехал! С цветами! Смотрите-ка, сам приехал!

Тоня поднялась, одёрнула платье. Без корсета, слава богам — она уже поняла, что дома можно расслабиться, и носила простые домашние наряды, которые нашла в шкафу. Тёмно-синее, мягкое, с длинными рукавами, без дурацких подушек и бантов. Платье пахло лавандой — Меланья, видимо, перекладывала его сушёной травой.

Она быстро глянула в зеркало — светлые волосы растрепались, серые глаза смотрели устало, но не больно, а так, с лёгкой поволокой, как после долгого дня. На лбу остался след от пальца, которым она подпираала голову — Тоня потёрла его, улыбнулась собственному отражению.

— Зови в гостиную. Я сейчас.

Она вышла в коридор, прошла по скрипучим половицам. Дом жил своей жизнью — где-то тикали часы, где-то скрипела дверь, где-то в подвале ворковал голубь. Тоня уже начинала привыкать к этим звукам, они становились родными, как шум трамвая за окном в её прошлой жизни.

Демид стоял посреди гостиной, держа в руках скромный букет полевых цветов — ромашки, васильки, колокольчики, даже несколько веточек душицы, от которых пахло мёдом и летом. Никаких тебе оранжерейных роз, никакой вычурности. При виде Тони он поклонился спокойно, без лишней суеты.

— Кира Петровна, добрый день. Простите, что без приглашения. Подумал, может, не прогоните. — Голос низкий, спокойный, без заискивания.

Тоня улыбнулась — искренне, даже не притворяясь. В этом парне чувствовалась уверенность, которая не нуждалась в громких словах. И пахло от него не дорогим одеколоном, как от князя, а чистым потом, кожей и чем-то ещё — лошадыми, наверное, или свежим сеном.

— Здравствуйте, Демид Фёдорович. Садитесь, чаю выпьем. Меланья, тащи поднос.

Но женщина и без её понуканий уже бежала впереди паровоза, и через минуту в гостиной снова появился поднос — чайный «полдник» на две персоны: заварник, чашки, блюдец с пирожками, тарелка с мёдом. Всё зазвенело, застучало, запахло мятой и выпечкой.

Демид сел, положил цветы на край стола, чуть подвинув вазу с сухоцветами. Руки у него широкие, крепкие.

— Я узнать хотел, как прошёл совет, — спокойно начал он, глядя на Тоню светлыми глазами. — Говорят, вы там всех удивили. Даже Аристарх Викторович, говорят, рот открыл и забыл закрыть.

Тоня хмыкнула, усаживаясь напротив и откидываясь на спинку дивана. Диван старый, пружинистый, и приятно пружинил под тяжестью.

— Можно и так сказать. Развеселила их, наверное. Месяц дали на ознакомление. Потом решат, гожусь я или нет.

Демид кивнул, отхлебнул чай. Чай горячий, мятный, и пар поднимался к потолку, кружился в луче солнца.

— Месяц — время достаточное, чтобы вникнуть. Если правильно использовать.

— А вы бы как использовали? — Тоня посмотрела на него с интересом, откусывая пирожок. Пирожок сдобный, с хрустящей корочкой, и таял во рту. — Экзамен, что ли, устраиваете?

Демид чуть усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лукавые морщинки:

— Я бы начал с людей. С теми, кто на местах работает, кто реально дело знает. Бумаги — это хорошо, но бумаги можно и подделать. А люди — они либо врут, либо нет. И если с ними поговорить по-человечески, они многое расскажут. Иногда больше, чем хотят.

Тоня внутренне насторожилась. Умён, однако. И не просто умён — себе на уме. Таким в девяностых цены бы не оказалось.

— И к кому бы вы пошли?

— К мастерам. — Демид отставил чашку, положил руки на колени. — На заводе есть старики, которые ещё вашего деда помнят. Они всё про производство знают — где брак, где подмена, где воровство. Им доверять можно. Они не продажные. И, если честно, ждут, когда новая хозяйка проявит интерес.

— А вы сами, Демид Фёдорович? Вы ж на станции начальник. Откуда таких людей знаете?

Он улыбнулся открыто, без тени фальши, и эта улыбка сделала его лицо почти мальчишеским:

— Станция с заводами связана. Грузы, поставки, люди ездят. Волей-неволей всех пере-знакомишь. Да и сам я из рабочих, отец на заводе всю жизнь проработал, мать на кухне в столовой. Меня там до сих пор помнят. И, знаете, не забывают.

Тоня смотрела на него и видела: простой, но не простоватый. Умный, толковый, без дураков. Таким можно доверять. В девяностых такие в начальники выбивались, а не по подворотням шлялись.

— Спасибо, Демид Фёдорович, — поблагодарила она серьёзно, глядя ему прямо в глаза. — Это дельный совет. Я подумаю. И, скорее всего, последую.

Он кивнул, отхлебнул чай. Помолчал, потом спросил осторожно, чуть наклонив голову:

— А как вы сами, Кира Петровна? Говорят, вы в поезде... неважно себя чувствовали. Я волновался, если честно.

Тоня махнула рукой, делая вид, что ничего страшного не случилось. Не рассказывать же ему про отравление и астральные путешествия.

— Жива, и ладно. А голова... пройдёт. Не в первый раз. Бывало и хуже.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и Тоня вдруг почувствовала, что этот парень видит больше, чем говорит.

— Вы сейчас другая, — заметил он негромко. — Раньше вы на меня и не смотрели. А теперь... по-человечески говорите. Изменились, повзрослели, что ли.

Тоне послышалось в его словах «поумнела», и она мысленно усмехнулась.

— Раньше я дура была, — спокойно отозвалась, пожав плечами. — Обморок, видно, мозги прочистил. Знаете, как в анекдоте: ударился головой — и поумнел. Бывает такое? Бывает. Вот у меня и случилось.

Демид улыбнулся — тепло, без тени насмешки, и в этой улыбке оказалось что-то такое, от чего у Тони кольнуло в груди.

— Ну и хорошо. Значит, не зря всё. Всё к лучшему.

Он допил чай, поставил чашку на блюдце, поднялся, поправил мундир. Мундир сидел на нём ладно, не мешком, как на профессоре, и не как на манекене, как на князе, — а по-человечески, с запасом на движение.

— Пойду я, Кира Петровна. Если что надо — зовите. Я всегда помогу. И к мастерам, если захотите, могу съездить. Познакомлю, покажу, расскажу.

— Спасибо, Демид Фёдорович. — Тоня встала, проводила его до дверей. — Я подумаю. И, скорее всего, скоро дам знать.

Когда экипаж скрылся за воротами, она вернулась в кабинет. Экономка уже убрала посуду и сидела над бумагами, терпеливо ожидая продолжения. Солнце уже клонилось к закату, и комната наполнилась золотистым светом, от которого пыль казалась искрящейся.

— Хороший он, барышня, — как бы невзначай проговорила женщина, не поднимая головы от новой кипы бумаг. — Толковый. И смотрит на вас... по-особенному. Не так, как другие.

— Знаю, — вздохнула Тоня, плюхаясь в кресло. — Ладно, давай дальше. Бумаги сами себя не прочитают, а месяц — он не резиновый.

Они продолжили. Меланья читала, Тоня записывала, иногда переспрашивая или уточняя у экономки значение незнакомых ей слов, иногда они обе замолкали, глядя в окно, где медленно угасал день.

К вечеру глаза слипались у обоих. И хотя Меланья не подавала виду, по тому как она всё же замедлилась в чтении, Тоня поняла, пора закругляться. И сославшись на свою сильную усталость, разрешила Меланье уйти. Женщина поверила и торопливо ушла, пообещав завтра «прямо с петухами» продолжить помогать.

А Тоня осталась. Заскучав, через какое-то время достала сфер-шар. Тот мерцал, переливался, внутри плавали искры, словно снег в новогоднем шаре. Она уже почти привыкла к его теплу и лёгкой вибрации, как привыкают к смартфону в кармане.

Шар завибрировал — вызов от князя.

— Доброго вечера, Кира Петровна, — даже в приветствии голос, как всегда ледяной, вежливый до скрежета, — как успехи?

— Вникаю. — Тоня вздохнула. — Медленно, но вникаю. Бумаг много, глаза устают. Пришлось даже Меланью попросить читать вслух.

— Разумно. — В голосе князя послышалось что-то похожее на одобрение. — Я завтра пришлю вам список того, на что обратить внимание. И советую встретиться с профессором. Он без ума от вашей идеи, может быть полезен. И, возможно, подскажет, как разобраться в технической документации.

— Спасибо. — Князь коротко попрощался, и шар погас. — До свидания, — ответила Тоня уже погасшему шару и, откинувшись в кресле, посмотрела на стопки бумаг, на букет полевых цветов, на свои молодые руки, которые уже не казались такими чужими. Пальцы пахли карандашным грифелем и чернилами — запах её прошлой жизни.

Вспомнила Демида — спокойный взгляд, уверенные руки, ни грамма фальши. Таким мужикам можно доверять и жизнь, и дело. Вспомнила князя — холодный, как айсберг, но за ним, как за каменной стеной. И профессора — чудаковатого, рассеянного, но с горящими глазами.

— Месяц, — прошептала она. — Либо покажу себя, либо замуж. Ну уж нет, я лучше покажу.

Потом подумала о Муське — где-то там, в её мире, шерстяная наверняка уже нашла новых кормильцев и спит на чужом диване, вылизывает лапу и презрительно смотрит на чужих людей. Представила, как та дрыгает хвостом, требуя внимания.

— Да что ж твою мохнатую душу, — пробормотала Тоня. — Если бы не ты с переноской, я бы в это всё не вляпалась. Сидела бы сейчас в архиве, копалась в старых бумагах, пила чай с печеньками. А тут... заводы, женихи, заседания.

Она вздохнула, закрыла глаза и провалилась в сон — прямо в кресле, под ворохом бумаг. Голова свесилась набок, рука сжимала сфер-шар, на губах застыла полуулыбка. Снилось ей поле, васильки, и Демид, который протягивает ей букет и говорит: «Не бойтесь, Кира Петровна, я рядом». А рядом бродит Муська, ловит мышей и довольно мурлычет.

ГЛАВА 8. Профессор и тёмные дела

Утро вползло в комнату серым, каким-то выцветшим светом, словно небо решило не напрягаться и не тратить яркие краски на такой непримечательный день. Тоня открыла глаза и первым делом почувствовала, как затекла шея — так и есть, она проспала всю ночь в кресле, заваленная бумагами, которые так и не разобрала до конца.

За стёклами моросил мелкий, нудный дождь, такой привычный и тоскливый, что на миг Тоне показалось — она снова дома, в своей двушке на пятом этаже, за окном такая же серость, а на плите закипает чайник.

Но вместо этого в ноздри ударил аромат старых книг, табака и того самого неуловимого озона, который витал в кабинете отца. Пылинки танцевали в сером свете, падая на стопки бумаг, на чернильницу с высохшими чернилами, на потрёпанный ежедневник, куда она вчера записывала свои конспекты.

Потом Тоня случайно взглянула в зеркало, висевшее между шкафами, и снова вздрогнула. Чужие светлые волосы растрепались, свисая в разные стороны, как солома после урагана. Чужие серые глаза смотрели устало, с красными прожилками — видно, ночь в кресле не прошла даром.

— Дожилась, Антонина, — буркнула Тоня отражению, и голос прозвучал хрипло, как после долгого молчания. — Сидишь как первоклашка, Меланью слушаешь, да второпях записываешь всё, что кажется важным, чтобы через час не забыть, о чём речь шла. А потом ещё и на столе спишь...

Она прошла по кабинету, и вдруг вспомнила — князь же обещал прислать список. Взяла сфер-шар, стоявший на столе, коснулась — сообщений нет. Забыл? Или не успел? Но тут же подумала: мало ли, вдруг прислал со слугой, пока она спала.

Она вышла в коридор, позвала экономку. Та появилась почти сразу, вытирая руки о передник.

— Барышня? Что-то случилось?

— Да нет, Меланья. Князь утром записку не присылал? Или что ещё со слугой?

— Нет, барышня. Никого не было. А вы что ждали?

— Да так, обещал кое-что прислать. Видно, не успел. Ладно, иди.

Меланья кивнула и ушла, а Тоня вернулась в кабинет, размышляя. Князь пока не подводил — значит, у него есть причина. Значит остаётся ждать.

Она подошла к портрету, висевшему на стене — раньше она его не замечала, а теперь, после позавчерашнего разглядывания фотографий в Сферуме, вдруг обратила внимание. Мужчина в строгом сюртуке, с усталыми, но добрыми глазами, с лёгкой проседью на висках. Сходство с той самой Кирой, чьё тело она теперь носила, оказалось поразительным — те же скулы, тот же разрез глаз, только мужские, более жёсткие, и выражение лица совсем другое, не пустое, а умное, даже немного грустное. Тоня задержалась перед портретом, разглядывая каждую морщинку на лице этого незнакомого человека.

— Пётр Ильич, — сказала она вслух, чувствуя, как внутри поднимается что-то горькое. — Ты уж прости, что я в теле твоей дочери. Сама не знаю, как вышло, не по своей воле. А твоя Кира... ну, дура она была, дура. В столице развлекалась, пока ты тут горбатился. Снимала себя, выкладывала в Сферуме, уточку складывала, а ты, наверное, ждал, когда она хоть раз приедет, хоть раз письмо напишет. Я таких историй насмотрелась — дети забывают родителей, родители ждут, а потом уже поздно.

Она помолчала, глядя в чужие усталые глаза, и внутри кольнуло так остро, что даже зануло под ложечкой. Не её боль — нет, Кирина. Но от этого не легче.

— Обещаю: постараюсь всё поправить. Твоё дело, заводы, людей этих... разберусь. Я, знаешь, людей насквозь вижу. И уж если взялась — доведу до конца.

В кармане халата завибрировал сфер-шар. Едва Тоня ответила, внутри засветилось, и через секунду из шара донёлся взволнованный голос профессора Яра, такой громкий и радостный, что Тоня невольно отодвинулась.

— Кира Петровна! Кира Петровна! Вы не представляете! Заработало! Всё заработало благодаря вашей идее! — Голос учёного звучал на грани истерики, но той приятной истерики, когда человек на грани счастья, а не срыва.

Тоня улыбнулась — невольно, просто от того, как искренне радовался этот чудаковатый человек, похожий на её старого научного руководителя.

— Рада за вас, Ярослав Ильич. А что именно заработало?

— Всё! Мотор! Я изменил угол лопастей, как вы сказали, добавил второй контур, и он выдаёт мощность на сорок процентов выше! Сорок процентов! Вы должны это увидеть! Приезжайте скорее!

— Хорошо, хорошо, — Тоня невольно рассмеялась, чувствуя, как её собственное настроение поднимается из глубокой ямы уныния. — Диктуйте адрес.

Через час, затянутая в корсет, который сдавливал рёбра с такой силой, что каждый вдох давался с трудом, Тоня стояла у зеркала, пока Меланья закалывала её волосы. Экономка действовала ловко, быстро, но Тоня всё равно чувствовала, как каждая шпилька впивается в кожу, как туго натянутые пряди тянут голову назад.

— Барышня, а вы надолго? — спросила женщина, поправляя воротник платья.

— Не знаю, — Тоня поморщилась, когда очередная шпилька вонзилась в затылок. — На сколько хватит терпения профессора. И моей спины. Этот корсет, кажется, задушит меня раньше, чем я доеду.

Меланья хихикнула, затягивая последний узел, и отошла.

— Готово, барышня. Хоть на бал.

— На бал не надо, — Тоня поправила декольте, которое всё равно норовило вывалиться, и открыла шкаф. В шкафу висело несколько маменькиных платьев — тёмно-синее, в котором она была на совете, бордовое, зелёное, серое. Тоня перебрала их, остановилась на тёмно-зелёном, с длинными рукавами, без турнюра. — Вот это. Новомодные наряды мне ещё в столице надоели — подушки да банты! У маменьки хоть вещи удобные.

Она натянула платье, и повертелась перед зеркалом. Ткань тяжёлая, шёлк прохладный, сидит хорошо — и главное, никакой дурацкой подушки на спине. Поверх накинула тёплую шаль — дождь за окном хоть и перестал, но сырость чувствовалась даже в комнате.

Меланья уже держала наготове туфли — те самые, на высоких шпильках, в которых Тоня ездила в совет.

— Нет, нет, — Тоня покачала головой. — Принеси-ка другие, попроще и пониже. А то на этих я себе шею сверну, ещё до Академии не доеду. С платьями-то я разобралась, теперь про обувь надо подумать. Вчера было не до того — волновалась, торопилась, а сегодня можно и спокойно собраться.

Экономка принесла туфли на низком устойчивом каблуке. Тоня надела их, прошлась по комнате. Ну слава богу, намного лучше. Вот теперь она чувствовала себя почти человеком, а не манекеном, которого нарядили на выставку.

Экипаж ждал у крыльца, лошади нетерпеливо перебирали копытами, от их шкур поднимался пар. Пахло мокрой кожей, сеном и ещё чем-то неуловимым. Тоня забралась во внутрь, кутаясь в шаль, и они тронулись. За окном поплыли улицы Звениграда — старые дома с черепичными крышами, вывески на местном языке, редкие прохожие в тёмных пальто, с зонтами.

Тоня смотрела на проплывающие улицы и думала. У себя в мире она хотя бы понимала, где находится, что читать, кому верить. А здесь — ни буквы не разобрать, ни людей не понять.

Разве вот сейчас, по дороге к профессору, к механизмам, к тому, что она хоть немного понимала, она чувствовала себя чуть увереннее. Техника — она же везде техника.

Академия Маготехники оказалась старым зданием из серого камня, с узкими стрельчатыми окнами и массивными дубовыми дверями, окованными железом. Внутри пахло сыростью, мелом и ещё чем-то кисловатым — может, реактивами, а может, просто запустением. Тоня вспомнила вокзал — там было шумно, многолюдно, пахло углём и потом. И здание совета — чинное, богатое, с кожаными креслами и запахом дорогого табака. А здесь чувствовалась настоящая рабочая атмосфера, без аристократического лоска, и это Тоне даже понравилось.

Она уже собралась искать, куда идти дальше, когда из-за угла вынырнул молодой человек в заляпанном лабораторном халате. Увидев Тоню, он остановился, вытаращил глаза, потом спохватился, поклонился, попутно утопив взгляд в Тонином декольте.

— Вы, наверное, Кира Петровна? — спросил он, и в голосе послышалось откровенное любопытство. — Профессор Яр просили встретить, сказали, что вы придёте. Я провожу.

Пока шли по коридору молодой человек молчал, и то и дело косился на неё, задерживая взгляд на груди. Тоня внутренне усмехнулась: «Вот кому до лампочки, что я гений».

Он даже руку подал, когда они подошли к узкой винтовой лестнице в подвал, и помог спуститься, придерживая за локоть дольше, чем требовалось. Довёл до двери лаборатории, посторонился, пропуская вперёд, и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, когда из глубин помещения вдруг донеслось громогласное:

— Кира Петровна?! Это вы? Идите сюда! Скорее! Я здесь!

От звука профессорского голоса лаборант дёрнулся, и, бросив на Тоню испуганный взгляд, быстро зашептал:

— Я пойду, я там... у меня дела...

И исчез наверху, едва не споткнувшись на первой же ступеньке.

Внизу, в подвале, стояла жара — не та, приятная, от камина, а какая-то удушливая, техническая. Пахло окалиной, озоном и ещё чем-то сладковатым, похожим на горелое масло. Здесь явно что-то постоянно искрило, и в воздухе висела мелкая металлическая пыль, которая оседала на одежде и скрипела на зубах.

— Кира Петровна! — Ярослав Ильич выскочил навстречу из-за массивной конструкции, напоминающей паровой котёл, но с какими-то дополнительными трубами, артефактами и мерцающими кристаллами по бокам. Учёный выглядел так, будто не спал всю ночь — под глазами залегли тени, волосы торчали во все стороны, очки сидели на самом кончике носа, галстук съехал набок. Но глаза горели таким бешеным огнём, что Тоня невольно улыбнулась. — Идите сюда! Смотрите! Смотрите!

Профессор подхватил её под локоть, даже не спросив разрешения, и подвёл к механизму. Рука у учёного оказалась горячей и немного дрожала — от волнения, от кофе, от бессонницы.

— Я изменил угол лопастей, как вы сказали! И добавил второй контур! — Ярослав Ильич дёрнул за рычаг, и механизм загудел, зашипел, выпустил облачко пара, а потом заработал ровно, без перебоев, с таким мерным урчанием, что Тоня невольно заслушалась. — Смотрите! Сорок процентов! Сорок!

Тоня присвистнула, и свист получился громким, даже чуть неприличным для барышни. Она подошла ближе к механизму, чувствуя, как от него исходит жар, как вибрируют трубы под пальцами. Артефакты по бокам мерцали синим светом, и в этом свечении было что-то живое, почти разумное.

— Мощность выросла на сорок процентов! — кричал учёный, перекрывая шум, и его голос отражался от каменных стен. — А расход топлива сократился вдвое! Вы гений! Настоящий гений! Я говорил коллегам, никто не верил, а вы — и вот!

— Да я просто книжку читала, — отмахнулась Тоня, но внутри приятно защемило — всё-таки приятно, когда тебя хвалят, даже если хвалят за то, что ты случайно ляпнула на вокзале.

Они проговорили больше часа. Ярослав Ильич показывал чертежи, разложенные на длинном столе, испещрённые непонятными символами и формулами. Объяснял принципы работы, тыкая пальцем в разные узлы механизма, жаловался на отсутствие финансирования, на то, что управляющий логистикой вечно режет сметы, на то, что молодые стажёры не хотят работать руками, а только шарами магическими. А Тоня слушала, вникала, задавала вопросы — иногда такие точные, что Яр замирал и смотрел на неё с восхищением.

— Ну надо же, — сказала Тоня, рассматривая один из чертежей. — А я думала, у вас тут всё на магии держится. А вы, оказывается, нормальные поршни используете.

— Магия — это только усилитель, — пояснил профессор, поправляя очки. — Основа — физика, механика. Магия просто помогает преодолеть ограничения материалов.

— Как в старых добрых паровозах, — хмыкнула Тоня. — Там тоже всё на физике держалось, и ещё немного на магии ремонтников, чтобы вся эта... старость не развалилась.

— Кира Петровна, — сказал Ярослав Ильич наконец, вытирая пот со лба засаленным платком. — А почему вы раньше не интересовались наукой? С вашими способностями... вы могли бы сделать карьеру, открыть что-то своё...

— Раньше я душой была, — отрезала Тоня, и в голосе её прозвучала такая уверенность, что учёный даже поперхнулся воздухом. — Теперь вот умнею на старости лет. Поздно, но лучше поздно, чем никогда.

В ответ Яр рассмеялся — неожиданно звонко, по-молодому, и в этом смехе не слышалось ни капли фальши. И это было приятно.

То, что в дверях лаборатории возникла тень, Тоня скорее почувствовала, чем увидела, и обернулась. Там прислонившись к косяку стоял тот самый управляющий логистикой, и улыбался мерзкой елейной улыбкой, которая не касалась глаз. Его острый, ищущий взгляд скользнул по механизму, по профессору, по Тоне, задержался на чертежах, а потом снова вернулся к ней.

— Кира Петровна, какая приятная неожиданность, — пропел он голосом, текучим как патока. — Интересуетесь наукой? Я, признаться, не ожидал вас здесь увидеть. Решил заглянуть к старому знакомому, а тут вы.

Тоня внутренне напряглась, но виду не подала. Она выпрямилась, одёрнула платье и ответила спокойно, даже с лёгкой усмешкой:

— Интересуюсь всем, что касается отцовского наследства. А наука, между прочим, часть этого наследства. Или вы, Аристарх Викторович, считаете иначе?

— Похвально, похвально, — управляющий вошёл в лабораторию, обошёл механизм, разглядывая его с видом знатока, хотя Тоня готова была поклясться, что он ничего в этом не понимает. — А я вот решил навестить Ярослава Ильича. Вроде как давно не виделись.

Учёный заметно скис — побледнел, перестал улыбаться, даже как-то сжался, словно хотел провалиться сквозь землю. Аристарх Викторович, похоже, заметил это, но ничего не сказал, только улыбнулся ещё слаще.

— Но не буду мешать вашему общению, — сказал он, поворачиваясь к выходу. — Удачи вам, Кира Петровна. Уверен, ваше рвение приведёт к замечательным результатам.

Он вышел так же тихо, как появился, и только тогда профессор выдохнул, шумно, облегчённо.

— Фух, — сказал Яр, вытирая платком уже не пот, а нервную испарину. — Я думал, не уйдёт.

— Он часто так? — спросила Тоня, подходя ближе.

— В последнее время — часто, — профессор почти с ненавистью посмотрел на дверь, за которой скрылся управляющий. — Я ему не доверяю, Кира Петровна. Совсем не доверяю.

И Тоня его отлично понимала.

— Ладно, Ярослав Ильич, мне пора, — сказала она, поднимаясь. — Спасибо за экскурсию. Думаю, мы ещё поработаем вместе, я обязательно буду к вам заглядывать.

Профессор расплылся в улыбке, закивал, засобиравшись её провожать, но Тоня махнула рукой и пошла к лестнице сама.

В экипаже всю дорогу женщина прокручивала в голове встречу. Он появился слишком вовремя, слишком неслучайно. Явно следит за профессором. А может, и за ней. Вопрос — зачем? Что ему нужно? Разработки? Или он действует по поручению дяди Власа?

Вернувшись в особняк, Тоня первым делом прошла в кабинет. Меланья уже ждала, принесла обед.

— Барышня, вы ж не ели с утра, — суетилась экономка. — Только кофе хлебали. Я вот вам супчик приготовила...

— Хорошо, Меланья, — Тоня опустила в кресло. — Только надеюсь, это что-нибудь лёгкое. Сказать по чести, есть совсем не хочется.

— А вы, барышня, завтра с Демидом Фёдоровичем на заводы ехать? Он утром заезжал, справлялся, когда вам удобно. Я сказала, что вы у профессора, а он просил передать, что заедет завтра к десяти.

— Да, — Тоня кивнула. — Надо ехать. Мастеров посмотреть, производство.

— Правильно, барышня, правильно. — экономка присела напротив. — Батюшка ваш всегда говорил: чтобы дела знать, надо своими глазами видеть. Он, бывало, сам в цехах пропадавал.

Когда девушка поела, Меланья отнесла посуду, а вернувшись устроилась на краешке стула, и взяла очередную папку.

— Ну, начнём, — Тоня подвинула к себе ежедневник. — Вчера я врала про усталость, а сегодня — правда устала. Но до вечера надо хоть что-то сделать.

Меланья начала читать. Тоня слушала, записывала, иногда переспрашивала. К её удивлению, информация в этот раз укладывалась в голове лучше, чем вчера — может, сказалась утренняя встряска у профессора. Она даже начала улавливать связи между разными документами, запоминать имена, даты, суммы. Кое-что уже не требовалось записывать — откладывалось само.

Так прошёл час, может, полтора. Веки отяжелели, слова экономки начали сливаться в сплошной гул, и Тоня поймала себя на мысли, что клюёт носом.

— Всё, Меланья, — сказала она, растирая лицо ладонями. — Хватит на сегодня. Поездка, корсет, этот профессор со своим мотором... я, кажется, больше не выдержу.

— А как же ужин, барышня? — удивилась экономка, поднимаясь. — Я пойду приготовлю. Вы пока отдохните.

Меланья вышла, и Тоня осталась одна.

Она откинулась в кресле, прикрыла глаза. В голове вертелись обрывки фраз, цифры, имена. И почему-то всё время всплывала улыбка Аристарха Викторовича, омерзительная в своей слащавости.

Тоня взяла ежедневник, перелистала записи. Цифры, даты, имена — всё перепутано, записано вразнобой. Нужно будет потом навести в этом порядок, проследить: кто, что, куда, когда. А пока... Она открыла чистую страницу и написала:

ВРАГИ

Дядя Влас — хочет заводы. Будет мешать, подставлять, искать слабые места.

Изольда — ядовитая, при ней что-то знает. От глупости и злобы может натворить дел.

Аристарх Викторович — управляющий логистикой. Следит за профессором. Появился слишком вовремя.

И ниже:

ВОПРОСЫ

— Что ищет Аристарх Викторович в лаборатории?

— Заодно ли с дядей Власом?

— Кто ему докладывает?

Она отложила карандаш, посмотрела на свои записи. Вчера она знала совсем немного — только имена, да «цвета опасности», которыми она сама их пометила, чтобы лучше запоминать. А сегодня уже получилось что-то добавить. Так шаг за шагом, крупица за крупицей, она разберётся во всей этой паутине.

Тоня подняла голову и посмотрела через комнату на портрет, висевший на стене. Хозяин кабинета смотрел с холста усталыми добрыми глазами.

— Пётр Ильич, — проговорила она тихо. — Что ты знал об этих двоих? Меланья говорила, ты с Аристархом осторожно держался. Значит, чуял что-то. И дядя Влас — ты же не просто так его наблюдателем оставил, а? Знал, что он не подарок.

Портрет молчал. Тоня вздохнула и снова взяла карандаш, открыла новую страницу. И записала план на завтра. Коротенький, в три пункта: заводы, список, что задумал тарантул.

Когда закончила, в кармане халата завибрировал сфер-шар. Князь.

— Кира Петровна, — голос звучал устало, но по-прежнему ровно. — Прошу прощения за задержку. Список готов. Сейчас отправлю.

— Спасибо, — Тоня выдохнула с облегчением. — А то я уж думала, вы забыли.

— Нет, просто проверял информацию. Всего доброго, Кира Петровна.

— Спокойной ночи, — отозвалась Тоня, и шар погас.

А через минуту в шаре появилось сообщение — несколько строчек, написанных знакомыми закорючками. Десять строчек непонятных знаков.

Тоня посмотрела на них, потом на часы, вздохнула и закрыв ежедневник, убрала его в ящик стола. Встала, подошла к окну. Дождь перестал, в разрывах туч показались первые звёзды. Природе было всё равно на проблемы людей.

Женщина горько усмехнулась. Сидит в чужом мире, в чужом теле, не умеет читать местные буквы, а уже строит планы расследования. Как в старом добром архиве, только вместо бумаг — живые люди, и вместо пыли — корсет, который душит.

Вернулась к столу, села в кресло, поджала ноги. Камин потрескивал, разбрасывая искры, и Тоня сидела в кресле, глядя на огонь, и думала о том, что завтрашний день принесёт новые ответы. Или новые вопросы. А ей лишь остаётся быть готовой ко всему.

ГЛАВА 9. Завод

Утро вползло в комнату вместе с запахом свежего хлеба — Меланья уже хлопотала на кухне, и этот запах, тёплый, домашний, пробивался даже сквозь закрытую дверь. Тоня открыла глаза и первым делом посмотрела на лист бумаги, где вчера вечером нарисовала самодельный календарь. Разлинованные клеточки, цифры, ни одного зачёркнутого дня — она только вчера его сделала, сообразив, что без такого ориентира совсем запутается в сроках. Месяц до отчёта, говорили на совете. Тридцать дней. Не так много, как хотелось бы, но и не так мало, чтобы отчаиваться.

Она села в кровати, потянулась, чувствуя, как хрустят кости — спать в кресле два дня подряд даром не прошло. Но сегодня она спала в постели, как нормальный человек, и даже шея не затекла. За окном уже светало, дождь перестал, и серое небо обещало если не солнце, то хотя бы сухость.

В дверь постучали.

— Барышня, вставать пора! — Меланья внесла поднос с завтраком. Пахло свежесваренным чаем, маслом и ещё чем-то сладким — может, мёдом, может, ванилью. — Ой, а что это у вас?

Тоня кивнула на календарь:

— Сроки считаю. Вчера надумала, сообразила, что без этого никак. Месяц до отчёта — не так много, как кажется. А там, глядишь, и разберёмся.

Меланья поставила поднос, склонилась над листком, разглядывая разлинованные клеточки и цифры. На русские буквы, которыми Тоня подписывала дни, она даже не обратила внимания — привыкла уже к «институтскому шифру».

— И правильно, барышня. А это что за крестики?

— Дни отмечать буду, — Тоня откусила пирожок. Пирожок оказался с мясом, сочный, горячий, с хрустящей корочкой. — Чтобы видеть, сколько прошло. А то в делах закрутишься — и не заметишь, как время улетело. Вчерашний, например, уже зачеркну. Вчера я у профессора была.

Меланья одобрительно кивнула, потом вдруг, будто вспомнив что-то важное, сказала:

— Ой, барышня, а ведь до вашего дня рождения всего два с лишним месяца. Двадцатого августа, помните? Вам двадцать пять исполнится.

Тоня внутренне удивилась — она не знала ни даты, ни возраста. Но виду не подала, только кивнула, делая вид, что всё помнит.

— Двадцать пять, — повторила она, будто пробуя число на вкус. — Надо же.

Меланья вздохнула, поправляя край передника:

— Батюшка ваш всегда говорил: «Меланья, пусть Кира сначала с делами разберётся, с советом да с женихами, а там и день рождения спокойно встретим, с чистой душой». Вот и вы, барышня, того же придерживайтесь.

Тоня мысленно отметила: два с лишним месяца — это хороший запас. Но сначала — месяц до отчёта. С ним и надо разбираться.

Она допила чай, поставила чашку на поднос.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Мелань, помоги одеться. Поеду на завод.

Меланья кивнула:

— Когда ждать-то вас, барышня? К обеду управитесь?

— Должна, — Тоня натянула рубаху. — Если ничего не случится.

— А вечером с бумагами работать будем? — спросила экономка, доставая из шкафа платье. — И список князя... вы ж говорили, прочитать надо.

— Будем, — Тоня вздохнула, вспомнив про список, который так и лежал в шаре непрочитанный. — Как вернусь — сразу сядем. Может, к тому времени и голова посвежее будет.

Меланья одобрительно хмыкнула и принялась за шнуровку.

Через полчаса, затянутая в корсет, но в скромном тёмном платье, Тоня уже сидела в экипаже. В кармане — сфер-шар в ракушке и маленький блокнот с карандашом, куда она собиралась записывать свои наблюдения.

«Писать буду по-русски, — думала она, глядя, как за окном проплывают улицы Звениграда. — Если кто спросит — скажу, личный код, в столице научили. А читать... надо как-то учиться, но без посторонних. Меланья не должна знать, что я не умею — для неё я Кира, которая училась в институте. Придётся искать другой способ. Может, князь что посоветует? Но как спросить, не выдав себя?»

Дорога заняла минут двадцать. Экипаж остановился у старых корпусов из серого, обшарпанного кирпича. Высокие трубы дымили, в воздухе пахло углём, маслом и потом — тем самым густым, терпким запахом, который не выветривается даже после дождя. Тоня выбралась наружу, держась за руку кучера, и огляделась.

На входе уже ждал Демид. Русые волосы, светлые глаза, спокойный уверенный взгляд. Одет просто, но опрятно — тёмно-синий мундир без лишних блестяшек, сапоги начищены, но видно, что не для парада, а для дела. Увидев Тоню, он кивнул.

— Кира Петровна, — голос низкий, спокойный. — Готовы?

— А то, — Тоня поправила блокнот, чувствуя, как под корсетом тяжело вздохнулось. — Пойдём.

Внутри было шумно и жарко. Грохот станков, шипение пара, мелькание рабочих теней. Свет падал сверху из грязных окон, разбиваясь на пыльные лучи, в которых плавали мелкие частицы металла. Тоня оглядывалась, впитывая картинку, и старалась не отставать от Демиды, который шагал уверенно, обходя лужи масла и груды заготовок.

Демид подвёл её к группе пожилых рабочих, стоявших у массивного станка. Самый старший, с седой бородой и прокопчённой робой, смотрел настороженно, исподлобья, но без злобы. Остальные — кто с любопытством, кто с опаской.

— Вот, — Демид кивнул на Тоню. — Кира Петровна, дочь Петра Ильича. Посмотреть приехала.

Тоня шагнула вперёд, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

— Здравствуйте. Можно просто Кира.

Старик моргнул. Переглянулся с остальными. Потом, видимо, решил:

— Ну... здравствуйте, Кира Петровна. А мы думали, вы в столице...

— Была, — Тоня усмехнулась. — Теперь здесь. Показывайте, что у вас.

Они пошли по цеху. Старый мастер, которого звали дядька Фрол, показывал станки, объяснял проблемы, и голос у него был хриплый, прокуренный, но каждое слово — по делу. Тоня слушала, запоминала, изредка задавала вопросы, стараясь, чтобы они не звучали как экзамен.

— А вот этот станок, — Фрол махнул рукой на громоздкую машину, которая работала с каким-то надрывным скрежетом, — постоянно ломается. Детали меняем, а толку нет. Неделю поработает — и всё, стоп. Только деньги на ветер.

Тоня присмотрелась. Вспомнила старые чертежи из архива, принцип работы похожих механизмов. Подошла ближе, прислушалась — в скрежете чувствовалась какая-то неравномерность, будто что-то задевает о что-то.

— А вы пробовали смазку другую? — спросила она. — Или зазор проверить? Мне кажется, там вал чуть смещён.

Фрол уставился на неё. В глазах мелькнуло что-то — удивление, смешанное с надеждой.

— Откуда ж вы... простите, Кира Петровна, откуда знаете?

— Книжки читала, — отмахнулась Тоня. — У отца библиотека богатая.

Фрол хмыкнул, но в глазах появилось уважение.

Дальше пошли по цехам. Везде одно и то же: станки старые, детали дешёвые, люди усталые. Тоня запоминала, кивала, а когда Фрол отвлёкся на кого-то из рабочих, достала блокнот и быстро записала по-русски самое важное: имена, даты, названия. Меланьин «институтский шифр» пригодился как нельзя кстати.

В одном из пролётов к ним подскочил молодой парень — гладкий, улыбочивый, но глаза бегают, ни секунды не стоят на месте. Одет чище рабочих, но не по-хозяйски, а так — чтобы показать, что он здесь главный.

— Кира Петровна! Какая честь! — затараторил он, заглядывая ей в глаза. — А я как раз хотел спросить, вы, наверное, в моделях не очень разбираетесь? Там у нас станки сложные, не для дамских ручек...

Тоня внутренне закипела. «Ты мне зубы не заговаривай», — пронеслось в голове. Но вслух сказала спокойно, с лёгкой язвинкой:

— Разберись, не волнуйся. Ты лучше покажи, где у вас отчётность по браку. Или не знаешь, где это?

Парень стушевался, замялся. Демид шагнул вперёд:

— Иди работай. Не мешай.

Тот испарился, едва не споткнувшись о штабель досок. Тоня проводила его взглядом, отметила про себя.

— Кто это? — спросила она, когда он скрылся за колонной.

— Из конторы, — нехотя ответил Демид. — При Аристархе Викторовиче состоит. Везде суёт нос, всех высматривает.

Тоня кивнула. Понятно.

Фрол отвёл её в сторону, когда остальные разошлись по своим местам. В цеху было жарко, пот стекал по лицу, но старик, казалось, не замечал.

— Кира Петровна, — заговорил он тихо, оглядываясь, — вы послушайте. У нас тут неладно. Детали хорошие подменяют на дешёвку, поставки срываются. Вон, — он кивнул в сторону, куда ушёл тот молодой, — их люди везде суются. А мы молчим, потому что боязно.

Тоня слушала, запоминала имена, даты, названия. Всё, что называл Фрол, она мысленно раскладывала по полочкам: кто, когда, сколько.

— Фамилии назовите, — попросила она, доставая блокнот.

Фрол назвал. Тоня записала по-русски, стараясь не пропустить ни одной буквы.

— Если можете, — старик посмотрел ей в глаза, — все за вами пойдём. Работяги — народ простой. Кто дело делает, того и уважаем.

Тоня кивнула, чувствуя, как тяжелеет этот груз на плечах.

— Помогу, — сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Обещаю.

Она уже собралась уходить, когда на пороге цеха появился знакомый силуэт. Аристарх Викторович стоял, прислонившись к косяку, и улыбался своей обычной елейной улыбкой, которая не касалась глаз. Рядом с ним маячил тот самый молодой подхалим, что пытался выставить Тоню дурой, и теперь смотрел с торжеством — вот, мол, я и не один.

Аристарх шагнул навстречу.

— Кира Петровна, — пропел он голосом, текучим как патока. — А я вчера вас у профессора видел, а сегодня уже на заводе. Похвальное рвение.

— Те же, что и у вас, — Тоня остановилась, глядя прямо. Руки сложила на животе, стараясь выглядеть спокойной. — Производство смотрю. Наследство всё-таки. Отец не забавы ради заводы строил.

— Похвально, похвально. — Он обвёл взглядом цех, задержался на Фроле, который стоял, опустив глаза. — А я вот с проверкой. Долг перед советом, знаете ли. Надо же знать, на что уходят средства.

— Проверяйте, — Тоня улыбнулась той же сладкой улыбкой. — Мы уже заканчиваем.

Она кивнула Демиду и пошла к выходу, чувствуя спиной острый, ищущий взгляд, который скользил по ней, как нож по стеклу. Шарф на плечах вдруг показался слишком тонким, корсет — слишком тесным, а воздух в цеху — слишком тяжёлым.

На улице она выдохнула, только когда экипаж тронулся. Демид сидел напротив, молчал, глядя в окно.

— Вы им понравились, — сказал он наконец. — Фрол редко кого хвалит.

Тоня молчала, глядя, как за окном проплывают трубы и цеха, серые, дымные. Потом обернулась:

— Слушай, Демид. А если я скажу, что я не Кира?

Он посмотрел на неё внимательно. Спокойно. В глазах — ни удивления, ни страха.

— Вы — Кира Петровна. Только настоящая. А то, что раньше было — не вы.

Тоня хмыкнула. Вот так, значит. Без вопросов, без лишних слов.

— Ладно, — сказала она. — Спасибо за помощь.

— Всегда, — коротко ответил он. И замолчал.

Вечером, дома, Тоня скинула корсет с облегчением, натянула халат и села за стол. Достала календарь, зачеркнула первый день — сегодняшний. Потом взяла ежедневник, перелистала свои вчерашние записи. Враги, вопросы, планы. Всё на месте.

Она уже собралась позвать Меланью, когда вспомнила про список князя. Достала сфершар, поставила на стол.

— Меланья, — позвала она негромко. — Иди сюда. Прочитай, что там князь прислал.

Экономка появилась почти сразу, вытирая руки о передник. Подошла, взяла шар, коснулась. Внутри засветились строчки.

— «Проверить контракты с Северной мануфактурой за последние три года», — начала читать Меланья медленно, старательно выговаривая каждое слово. — «Уточнить у мастера Фрола про бракованные детали. Найти сметы по ремонту старой ветки. Обратит внимание на поставки меди...»

Тоня слушала, быстро записывая в ежедневник по-русски. Имена, даты, названия. Всё то, о чём они уже говорили с Демидом и Фролом, но теперь — системно, по пунктам. Десять пунктов. Десять направлений для расследования.

— Всё, барышня, — сказала Меланья, опуская шар.

— Спасибо, — Тоня перечитала свои записи. Потом подняла голову, посмотрела на экономку. — Мелань, а как ты думаешь, мы справимся?

Женщина улыбнулась:

— Справимся, барышня. Вы у нас головастая, а я пока глазастая. Вместе — не пропадём.

Тоня кивнула, закрыла ежедневник, убрала его в ящик стола. Подошла к окну. За стёклами сгушались сумерки, где-то вдалеке прогудел паровоз.

— Меланья, — сказала она, не оборачиваясь. — Иди отдыхай. Завтра рано вставать.

— Спокойной ночи, барышня.

Экономка вышла, прикрыв дверь. Тоня осталась одна.

Она постояла у окна, глядя на первые звёзды, потом вернулась к столу, взяла календарь, провела пальцем по клеточкам. Двадцать девять осталось. Двадцать девять дней до отчёта. А дел — невпроворот.

— Ничего, — сказала она себе. — Не в первый раз.

ГЛАВА 10. Ужин с пауком

Утро началось с привычного ритуала. Меланья принесла завтрак — дымящийся чайник, тарелку с пирожками, маленькую вазочку с мёдом. Тоня разложила перед собой самодельный календарь и свои русские записи, исписанные мелким, торопливым почерком. Ещё один день зачёркнут — время утекало сквозь пальцы, как вода сквозь решето. Двадцать восемь осталось. Двадцать восемь дней до отчёта перед советом.

«Вроде бы много, а вроде и нет, — подумала она, разглядывая клеточки. — Если каждый день будет таким же суматошным, как предыдущие, то месяц пролетит быстрее, чем электричка от Москвы до Питера».

За окном уже всюду светило солнце, дождь наконец-то прекратился, и в комнату врывались лучи, заставляя пылинки танцевать в воздухе, как мотыльков. Тоня прищурилась — слишком ярко после вчерашней серости. Она потянулась, хрустнула шеей, чувствуя, как позвонки встают на место, и взяла кружку с чаем. Чай был крепкий, с травами, чуть горьковатый, но согревающий. Меланья знала толк в заварке.

— Барышня, почта, — экономка положила на стол стопку конвертов, перевязанных бечёвкой. — Тут с гербом какой-то. Издалека, видать, прислали.

Тоня взяла верхний конверт, повертела в руках. Бумага плотная, дорогая, с водяными знаками. Герб узнала сразу — стилизованная шестерня и молот, окружённые лавровым венком. Аристарх Викторович. Тот самый гладкий тип с елейной улыбкой, от которой у нормального человека зубы сводит, а руки сами собой сжимаются в кулаки. Она повертела конверт, рассматривая вензеля, понюхала — пахло дорогими духами, чем-то приторным, похожим на перезревшие фрукты.

— Почитай-ка, Меланья, — сказала Тоня, протягивая конверт. — Глаза после вчерашних записей совсем разболелись. Всё плывёт, буквы прыгают. Не могу я сегодня читать, хоть убей.

Она потёрла веки для убедительности. На самом деле глаза не болели, но врать приходилось постоянно, и она уже начинала путаться, где правда, а где очередная легенда, придуманная на ходу. Меланья, впрочем, ничего не заподозрила — она привыкла, что барышня после долгой работы жалуется на усталость.

Экономка взяла конверт, аккуратно надорвала край, достала плотный лист, исписанный каллиграфическим почерком, и пробежала глазами строчки.

— Приглашение, барышня. От Аристарха Викторовича. На «дружеский ужин» сегодня вечером в ресторации «Золотой шар». Просят пожаловать к девяти часам. Обещают отдельный кабинет и лучшие вина из своих подвалов.

«Дружеский, — подумала Тоня, откидываясь на спинку стула и глядя в потолок, где лепнина изображала амурчиков с гирляндами. — Как же. Позавчера у профессора в лаборатории появился, как только я туда приехала. Вчера на завод заявился почти сразу, как я там появилась. А сегодня — «дружеский» ужин. И Меланья про него такое рассказывала: «Глаза у него нехорошие, всё улыбается, а сам как удав». И князь говорил — главная опасность. И этот его взгляд, когда он на меня смотрит...»

Она помолчала, прикидывая варианты. Отказаться — значит вызвать подозрения. Согласиться — лезть в пасть к пауку, который явно что-то задумал. Но выбора, по сути, не было. Если она не придёт, он решит, что она боится, и начнёт действовать активнее. А если придёт — сможет хотя бы понять, что ему нужно.

— Ладно, — сказала она вслух, вздыхая. — Надо звонить князю.

Меланья собрала посуду и вышла, а Тоня достала сфер-шар. Ракушка была тёплой от лежавшего в ней шара, и это тепло казалось почти живым. Она коснулась сферы, вызвала знакомый контакт. Князь ответил сразу, будто ждал — или у него тоже был какой-то свой арте-

факт, оповещавший о важных звонках. Тоня представила, как у него в кабинете загорается лампочка или пищит магический зуммер, и чуть не улыбнулась, но тут же одёрнула себя — не время для шуток.

— Кира Петровна, слушаю.

Голос ледяной, ровный, без единой эмоции. Тоня уже привыкла к этой манере — князь говорил так всегда, даже когда благодарил или поздравлял. Но сегодня в его интонациях послышалось что-то новое, едва уловимое напряжение.

— Пригласили на ужин. Аристарх Викторович. Сегодня вечером, в «Золотом шаре». Что скажете?

Пауза. Тоня слышала, как на том конце тихо, едва уловимо скрипнуло кресло — князь, видимо, откинулся на спинку, обдумывая. Потом его голос, всё такой же ледяной, но с чуть более жёсткими нотками:

— Идти надо. Отказ вызовет подозрения, а нам сейчас это ни к чему. Но будьте осторожны. Я пришлю вам записывающий артефакт — положите в складки платья. Он пишет голос и отображает сказанное на пластине. Разберётесь потом.

— Спасибо, — Тоня отключилась и ещё несколько секунд смотрела на погасший шар, в котором медленно таяло голубоватое свечение.

«Записывающий артефакт, — подумала она, крутя ракушку в пальцах. — Вот это уже серьёзно. Значит, князь тоже считает, что от этого типа можно ожидать любой пакости. Не просто угроз, а конкретных слов, которые можно будет предъявить. Интересно, что он задумал? И главное — зачем ему всё это?»

Через час Меланья принесла небольшую посылку, перевязанную бечёвкой и запечатанную сургучной печатью с княжеским гербом. Тоня сломала печать, развернула плотную бумагу. Внутри оказалась тонкая металлическая пластина размером с книгу, по краям мерцали бледно-голубые руны, похожие на застывшие капли воды. И едва женщина взяла её в руки, пластина сначала холодная на ощупь быстро нагрелась, будто откликаясь на тепло человеческого тела.

Тоня вертела артефакт в руках с энтузиазмом ребёнка, рассматривая со всех сторон. Металл незнакомый — не серебро, не платина, что-то более лёгкое, почти невесомое, но прочное. Руны переливались, иногда меняя оттенок с голубого на золотистый. Тоня провела пальцем по одной из них — та мигнула, и по пластине пробежала лёгкая вибрация. По коже побежали мурашки — магия, настоящая магия, от которой слегка покалывало пальцы и щекотало в носу, как перед грозой.

Сфер-шар зажужжал. Князь.

— Кира Петровна, — он объяснял сухо, по-деловому, как инструкцию к сложному прибору, который нужно освоить за пять минут. — Чтобы включить запись, коснитесь вот этого знака — в верхнем левом углу. Удерживайте пару секунд, пока руна не загорится ровным светом. Остановка — ещё одно касание. Проигрывание — соседний символ, вот этот, с двумя дугами. Текст появится, если провести пальцем по нижнему краю. Надеюсь, разберётесь.

— Разберусь, — пообещала Тоня, хотя внутри засомневалась: артефакт выглядел сложнее, чем её старый смартфон, к которому она привыкала целую неделю.

После разговора она долго рассматривала пластину, положив её на стол перед собой. Свет из окна падал на металл, и руны отбрасывали на бумаги причудливые тени. Тоня решилась: коснулась знака записи и громко, чётко, почти по слогам сказала: «Князь».

Пластина дрогнула, руны вспыхнули ярче, и на её поверхности загорелись буквы — ровные, строчка за строчкой, словно написанные невидимой рукой. Тоня взглядела: те же заколючки, что в книгах, что на вывесках, что в отцовских бумагах. Но теперь они были связаны со словом, которое она произнесла. Она провела пальцем по нижнему краю — пластина засветилась сильнее и произнесла металлическим, безжизненным голосом: «Князь». Голос был без интонаций, плоский, как у старого диктора, но разобрать можно.

— Меланья, — позвала Тоня тихо, чтобы никто не услышал. — Иди сюда. Смотри, что князь прислал.

Экономка подошла, вытирая руки о передник, с интересом разглядывая пластину. Её глаза округлились, когда руны вспыхнули снова.

— Ой, барышня, это ж чудо какое! — Она даже коснулась руны кончиком пальца, и та мигнула в ответ. — И голос как у человека, только железный.

— Только никому ни слова, — предупредила Тоня, понижая голос до шёпота. — Это... ну, это личное. Князь дал на время, для работы. Не надо, чтобы кто-то знал.

Меланья понимающе кивнула, прижала палец к губам, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на гордость — видимо, ей льстило, что барышня делится с ней такими секретами.

Тоня отложила пластину — времени на уроки сейчас не было. Надо готовиться к ужину. Она вздохнула, посмотрела на календарь, на свои записи, на список врагов, который составила вчера. Три имени. Дядя Влас, Изольда, Аристарх Викторович. И если дядя с кузиной были понятны — хотят наследства, будут мешать, подставлять, искать слабые места, — то этот... этот был загадкой. Что ему нужно? Разработки профессора? Контроль над заводами? Или что-то другое, о чём она пока не догадывается?

Сфер-шар зажужжал снова. На этот раз Демид.

— Кира Петровна, добрый день. — Голос у него был тёплый, без официальной сухости, почти домашний. — Хотел предложить вечером прогуляться, чаю выпить. Обсудить заводские дела, да и просто отдохнуть от бумаг.

Тоня вздохнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от досады.

— Демид, у меня сегодня ужин с Аристархом Викторовичем. В «Золотом шаре». Пригласил, я отказаться не могу.

— Одна? — голос стал напряжённое, Тоня почти физически ощутила, как он нахмурился, как его пальцы сжали сфер-шар. — Вы поедете одна?

— Да. Но я взяла записывающий артефакт, князь дал. Буду записывать разговор.

— Я подъеду, — быстро сказал Демид, и в его голосе появилась решимость, он явно думал не о собственной безопасности. — Буду ждать неподалёку. Если что — дайте знать. По шару стукните два раза — я приду.

Тоня улыбнулась — не притворно, а по-настоящему тепло, и от этой улыбки у неё самой потеплело на душе. «В девяностых такие мужики были на вес золота — те, кто не задавал лишних вопросов, а просто был рядом, когда нужно», — подумала она.

— Спасибо, Демид. Так и сделаем.

К вечеру Меланья помогла выбрать платье. Они перебрали несколько вариантов, висевших в шкафу: ярко-голубое с турнюром, слишком нарядное для ужина с пауком; розовое с бантами, вызывающее и неуместное; тёмно-зелёное, строгое, но с глубокими складками. Тоня остановилась на тёмно-синем — оно было почти чёрным в полумраке, с длинными рукавами и высоким воротом, и в его складки легко пряталась записывающая пластина. Ткань тяжело струилась, шуршала при каждом движении, пахла лавандой — Меланья перекладывала платья сушёными травами.

— Вот это, барышня, — одобрила экономка, поправляя кружево на вороте. — И скромно, и со вкусом. И карман внутри есть, я сама пришивала, для мелочей.

Тоня проверила, как включается запись, положила артефакт во внутренний карман, подшитый специально для таких случаев. Сфер-шар — в другой карман, поближе к руке, чтобы можно было достать незаметно.

— А украшения? — спросила Меланья, доставая шкатулку.

— Никаких украшений, — отрезала Тоня. — Я не на бал собираюсь, а на деловую встречу. К тому же, лишний блеск привлекает внимание, а мне сейчас нужно, чтобы меня поменьше разглядывали.

— С Богом, барышня, — Меланья перекрестила её на пороге, и Тоня почувствовала, как по спине пробежал холодок — то ли от сквозняка, то ли от предчувствия.

Ресторация «Золотой шар» оказалась двухэтажным зданием из светлого камня, с яркой вывеской — золотой шар, окружённый мерцающими огнями, которые переливались всеми цветами радуги. Внутри пахло дорогими духами, жареным мясом и чем-то сладким — может, ванилью, может, карамелью. Пол выложенный мраморной плиткой, на стенах висели зеркала в тяжёлых золочёных рамах, а люстры свисали с потолка, как огромные ледяные сосульки, только светящиеся.

«В девяностых такие места называли «новорусскими» и ходили туда только те, кто хотел показать, что у них есть деньги, — подумала Тоня, оглядываясь. — Здесь, видимо, то же самое, только с магией». В воздухе пахло не только духами и едой, но и озоном — магические светильники, наверное, работали на том же принципе, что и сфер-шар.

Аристарх Викторович ждал в отдельном кабинете на втором этаже. Кабинет оказался небольшим, но роскошным: тяжёлые портьеры на окнах, круглый стол, накрытый белой скатертью, мягкие стулья с высокими спинками. На стенах висели картины — охотничьи сцены, батальные сцены, какие-то дамы в кружевах. При виде Тони Аристарх поднялся — плавно, как сытый кот, потягивающийся после обеда, — и развёл руки в притворном радушии. Улыбка до ушей, но глаза холодные, оценивающие, как у удава перед броском.

— Кира Петровна! Как я рад! Проходите, прошу вас. Садитесь вот сюда, здесь удобнее, свет не бьёт в глаза.

Тоня села, положила сумочку на колени так, чтобы пластина была под рукой, и осмотрелась. Аристарх разлил вино по бокалам — рубиновое, густое, пахнущее ягодами и почему-то корицей.

— Выпьете? Отличное, из моих подвалов. Год, знаете ли, выдержки...

— Спасибо, не буду. — Тоня коснулась виска, стараясь, чтобы голос звучал устало. — Голова после того обморока в поезде до сих пор... не рискую. Врачи сказали — никакого спиртного хотя бы месяц.

Аристарх понимающе кивнул, убрал её бокал. Жест почтительный, но Тоня заметила, как дёрнулся его глаз — не понравилось, что она не пьёт. Но спорить не стал, только улыбнулся ещё шире.

— Что ж, тогда к делу. — Он откинулся на спинку стула, улыбаясь, но разглядывая её холодным, как у рыбы на прилавке, взглядом. — Я слышал, вы сегодня на заводе с мастерами разговаривали. Что же такого интересного они вам рассказали?

Тоня внутренне подобралась. «Прямой вопрос — и как ответить, чтобы не выдать себя, но и не показаться полной дурой?» — пронеслось в голове.

— Ничего особенного, — ответила она спокойно, глядя ему прямо в глаза. — Я интересовалась, как идут дела, какие проблемы. А Фрол жаловался, что станки ломаются, детали плохие.

— Детали плохие, — повторил Аристарх, поглаживая бокал длинными, холёными пальцами. — И что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, что надо разбираться. — Тоня смотрела не моргая, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Если поставки срываются, если качество падает — это убытки. Мне, как наследнице, это невыгодно.

Аристарх помолчал. Лишь начал постукивать идеальным маникюром по бокалу, что издавал тонкий, едва слышный звон, похожий на колокольчик. Потом он заговорил тише, доверительнее, как будто открывал душу — но Тоня знала, что эта доверительность лишь маска, за которой скрывается холодный расчёт.

— Кира Петровна, давайте прямо. Я могу вам помочь. У меня вес в совете, я могу замолвить слово за вас, поддержать на заседаниях. Взамен — всего лишь лояльность. Вы не лезете

в мои логистические схемы, не меняете поставщиков, не задаёте лишних вопросов. И мы прекрасно сработаемся.

Тоня сделала вид, что обдумывает. Опустила глаза, покрутила край скатерти, вздохнула — всё как учили на защите диссертации, когда нужно было показать, что ты согласна с оппонентом, но не до конца. На самом деле внутри всё кипело, и она с трудом сдерживалась, чтобы не выдать себя.

— А если я не соглашусь? — спросила она ровно, поднимая взгляд.

Аристарх усмехнулся. Улыбка стала жёсткой, губы сжались в тонкую линию, глаза превратились в щёлки, из которых било холодом.

— Кира Петровна, вы, кажется, не совсем понимаете своё положение. Дядюшка ваш, Влас Ильич, очень недоволен вашей активностью. А знаете, сколько несчастных случаев происходит у нас в городе? Особенно с теми, кто ездит в одиночку. Или на заводах — станок может упасть, искра проскочить... — Он развёл руками, и жест этот показался Тоне издевательским, почти театральным. — Всякое бывает.

Тоня похолодела. По спине пробежал озноб, волоски на руках встали дыбом, в горле пересохло. Но внешне она осталась спокойна — только пальцы, сжимавшие сумочку, чуть заметно дрожали, и она надеялась, что в полумраке кабинета это не заметно.

— Я поняла, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я подумаю.

— Думайте, — разрешил Аристарх, снова надевая маску радушия. — Но недолго. Время — деньги. А у нас, знаете ли, бизнес, не благотворительное общество.

Остаток ужина прошёл в пустых светских разговорах. Аристарх рассказывал о погоде, о ценах на хлеб, о том, как в столице нынче дорого жить. Тоня отвечала односложно, кивала, улыбалась, а сама каждое удобное мгновение проверяла, работает ли артефакт. Пластина под рукой чуть заметно нагрелась — значит, пишет. Каждое слово Аристарха отпечатывалось на металле, и Тоня чувствовала, как пластина становится всё теплее, будто впитывая его ядовитую суть.

На выходе, уже на улице, она дважды стукнула по сфер-шару — условный знак. Из темноты бесшумно вынырнул экипаж, Демид распахнул дверцу. В свете уличных фонарей его лицо казалось суровым, встревоженным, глаза внимательно ощупывали её, ища следы повреждений или страха.

— Всё нормально? — спросил он, вглядываясь в её лицо.

— Угрожал, — коротко сказала Тоня, забираясь внутрь. — Записала.

Демид ничего не сказал, только желваки на скулах заходили. Он захлопнул дверцу и сел рядом.

Всю дорогу до особняка они молчали. Тоня смотрела в окно на проплывающие огни города и чувствовала, как постепенно отпускает напряжение, как сердце перестаёт колотиться где-то в горле. Демид не задавал вопросов — только изредка поглядывал на неё, и в этих взглядах было что-то тёплое, надёжное, от чего на душе становилось легче.

Экипаж остановился у крыльца. Демид вышел первым, подал руку, помогая спуститься.

— Зайдёшь? — спросила Тоня, кивнув на дверь.

— Поздно уже, — он покачал головой. — Да и не стоит мне твоим соседям так поздно на глаза попадаться. Завтра на связи будем, если что.

— Ладно. — Тоня помолчала, потом добавила: — Спасибо, Демид. За всё.

Он чуть усмехнулся — тепло, без тени насмешки.

— Пока не за что, вот когда этого гада за решётку посадим... А пока — отдыхайте.

Он помог ей подняться на крыльцо, дождался, пока она откроет дверь, и только потом вернулся в экипаж. Тоня постояла на пороге, глядя, как его экипаж исчезает в темноте, и толкнула дверь.

Дома Меланья уже ждала с чаем. На столе стоял начищенный до блеска самовар, дымились пирожки, пахло мятой и мёдом. Тоня скинула шаль, села в кресло, достала пластину, положила на стол. Дома Меланья уже ждала с чаем. На столе стоял начищенный до блеска самовар, дымились пирожки, пахло мятой и мёдом. Тоня скинула шаль, села в кресло, достала пластину, положила на стол.

— Ну вот, Меланья, послушай, что этот гад говорил.

Она включила воспроизведение. Голос Аристарха зазвучал в тишине гостиной — сладкий, текучий, как патока, но от этой сладости у Тони мурашки побежали по коже, и она поёжилась, хотя в комнате было тепло.

— ...сколько несчастных случаев происходит у нас в городе... на заводах — станок может упасть, искра проскочить... всякое бывает...

Меланья ахнула, перекрестилась, и её лицо побледнело.

— Господи, барышня, это ж чистая угроза! Это ж он вас... он же...

— Знаю, — Тоня остановила запись, провела пальцем по нижнему краю пластины. На ней загорелись буквы, отображающие последние фразы. Она всмотрелась в них, пытаясь уловить знакомые очертания. — Эту гадость я теперь наизусть выучу. Будет чем прижать гада.

Она ещё раз прослушала запись, потом ещё раз. Голос Аристарха въедался в память, каждое слово отпечатывалось в голове, как клеймо. Тоня закрыла глаза и повторила про себя: «несчастные случаи», «станок может упасть», «всякое бывает».

Поздно ночью, оставшись одна, Тоня снова достала артефакт. Меланья ушла к себе, пожелав спокойной ночи, и в доме воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине да редкими криками ночных птиц за окном.

Тоня села в кресло, поджав ноги, и положила пластину на колени. Говорила слова, вглядывалась в буквы, проводила пальцем по строкам, слушая металлическое произношение. «Дом», — говорила пластина. «Чай». «Князь». «Демид». Тоня повторяла, пыталась запомнить, как выглядят эти закорючки. Получалось плохо — буквы плясали перед глазами, не желая складываться в узнаваемые образы. Но она не сдавалась — упрямство, выработанное годами в архивах, когда приходилось разбирать полустёртые документы прошлых веков, не позволяло отступить.

Она вспоминала, как в детстве училась читать по букварю, как складывала слоги в слова, слова в предложения. Тогда было легче — буквы были родные, знакомые. А здесь каждая закорючка казалась вызовом, загадкой, которую нужно разгадать. И она разгадает. Обязательно разгадает.

Перед сном она подошла к окну. В небе висела луна — точно такая же, как дома, круглая и жёлтая, как блин на сковородке. Тоня постояла, глядя на неё, и вдруг усмехнулась.

— Ну что, Антонина, — сказала она себе, глядя на своё отражение в стекле. — Вляпалась ты по-крупному. В девяностых такие типы на рынках торговали, а здесь — ужинают в ресторациях с золотыми шарами. Только тогда ты могла просто послать их подальше, а теперь — записывай, прячь, бойся. Но ничего, — она помолчала, глядя на звёзды, которые зажигались одна за другой, — мы и не таких на чистую воду выводили. Придёт время — и этого достанем.

Она легла, закрыла глаза. В голове крутились слова Аристарха, лица мастеров, спокойный взгляд Демиды. И буквы. Мерцающие буквы на пластине, которые постепенно начинали обретать смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.